

Т. Виктор
Точинов

ЦАРЬ ЖИВЫХ

Секрет-Информ

Виктор Павлович Точинов

Царь живых

Авторский вариант
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120057

Аннотация

Они – крутые парни, развлекающиеся охотой на людей – бомжей, нищих... По однажды они сделали **ОЧЕНЬ БОЛЬШУЮ** глупость – выбрали своей жертвой девчонку-бродяжку. Теперь их враги – **ВАМПИРЫ**, а уж «ночные хищники» умеют отыскивать свои жертвы из ниоткуда...

Один из «охотников» уже укушен и завампирен.

Другой, каждую ночь сражающийся с вампирами, мечтает только **ДОЖИТЬ ДО РАССВЕТА...**

Содержание

Предуведомление соавтора	4
Пролог	6
ЧАСТЬ I.	12
Глава 1.	12
Глава 2.	16
Глава 3.	21
Глава 4.	24
Глава 5.	28
Глава 6.	31
Глава 7.	35
Глава 8.	40
Глава 9.	45
Глава 10.	49
Глава 11.	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктор Точинов

Царь Живых

(роман, мистико-фантастический триллер)

Предуведомление соавтора

Предлагаемая книга написана на основе материалов, хранившихся на трех дискетах, принадлежавших покойному моему соседу по даче – подполковнику ****ву. Использование информации с дискет по полному усмотрению автора настоящих строк и отсутствие на титульном листе фамилии ****ва соответствует последней воле -покойного и согласовано с его вдовой.

Считаю необходимым сказать несколько слов о своем соавторе.

Подполковник, насколько мне, человеку от армии далекому, известно – звание особое. Приставка “под-”, похоже, порождает у носящих на погонах две звезды чувство некоей неполноценности, переходящей в жажду как-то самоутвердиться и самовыразиться. Если же становится ясно, что подполковничья ушанка никогда не сменится полковничьей папахой на лысеющей голове своего владельца – упомянутая жажда может принять самые необычные формы.

Может – но обычно не принимает, заливаемая и утоляемая спиртными напитками в трудно представимых для гражданского человека количествах. Но ****в был подполковником необычным, можно сказать уникальным – совершенно не употреблявшим алкоголь и никотин. По-моему, этот странный факт был как-то связан с происхождением ****ва из семьи со старообрядческими традициями – семьи, полностью утратившей веру, но сохранившей некоторые привычки (вернее, в данном случае, – отсутствие оных).

И – утолять жажду самовыражения подполковнику пришлось за клавиатурой раритетного 286-го компьютера. Результатом явилась незаконченная, но невероятно раздутая рукопись объемом около тридцати пяти авторских листов. Очевидно, весьма далекому от литературы ****ву опус сей представлялся романом. Однако написан он был в форме растянутой до бесконечности лекции, читаемой неким преподавателем неким “господам кадетам”. (Насколько мне известно, преподаванием в возрождаемых ныне кадетских корпусах ****в никогда не занимался.)

Не имея ничего против людей в погонах, я признаю их необходимость – разумеется, при условии полной открытости военного ведомства и неусыпного контроля над ним демократической общественности. Поэтому безжалостное урезание мною из не лишённой занимательности истории многочисленных казарменных баек и тупых солдафонских шуточек никакой антиармейской направленности не несет – все эти не имеющие литературной ценности плоды военной мысли затрудняли восприятие похороненного под ними рассказа подполковника ****ва.

Также мною изменена форма примечаний, неизменно начинавшихся словами “Даю вводную...”, “Довожу...”, “Информирую...”. Удалены чрезмерно перегружающие текст местоимения “я”, обращения “господа кадеты” и постоянные упоминания о звучащей трубе. Сокращена примерно в пять раз эротическая сцена в третьей части, переходящая за грань откровенной порнографии. И – убран подзаголовок “Поэма о Воинах” – явно претенциоз-

ный и необоснованно ставящий прозаический текст подполковника ****ва на один уровень с бессмертной поэмой Гоголя.

В остальном – текст подполковника оставлен без изменений и только ****в ответствен за все ошибки, неточности и искажения фактов на нижеследующих страницах.

Соавтор.

Алене – к которой хочется возвращаться.

Андрею – стоящему в том же строю.

Всем Воинам – павшим и нет.

Павшим – в первую очередь.

Пролог

При Петрищенке это было, да...

В каком году? Э-э, милай, у нас года все друг на дружку похожие... У нас года-то ведь как считают? До войны да после войны, при Сухареве да при Петрищенке... Но не так давно было.

Парень тут у нас жил, Санька Сорин. Не сильно молодой, лет тридцать ему было, когда это стряслось... Но неженатый. По Машке все сох, дочке бухгалтерской – у нас, в Парме, познакомились, на танцульках. У Саньки тетка тут жила, гостил... А Маша-то девка с разбором, опять же учиться хотела, столиц повидать – ей муж с города нужен был, а не мазута с буксира... Но Санька на нее запал – страсть. За сорок верст к ней гонялся, из Усть-Кулома. Ну да ему-то проще – речник, хоть раз в неделю, да мимо плывет... Тогда поселки-то в верховьях еще живы были, много по Кулому плавали... А сейчас... Но ладно, я про другое рассказать-то хотел.

Началось все, как пароходство на...нулось. Да нет, пароходы не потонули... При-ва-ти-зи-ро-ва-ли. За ваучеры,... Чубайса... через... и обратно...

Ну и все, отплавались... По Кулому, в смысле... По Печоре-то ничего, там и грузов, и людей хватает, а у нас угол медвежий, к верховой какой деревушке горючки-то сожжешь – а там один пассажир да сумка с письмами. Невыгодно.

Короче, из тех посудин, что в Усть-Куломе числились – какие на Ижму перегнали, какие на Усу. А самое старье, рухлядь списанную – распродали по дешевке. Плавайте сами, как знаете. Две “Зари” водометных – те хоть на ходу были – леспромхоз взял, работяг возить на дальние участки. Райкопторг бывший тоже кое-что прибрал, что как-то плавало...

Ну Санька и купил корыто, самое завалившее, на берегу два года ржавевшее... Подзянял и купил. Катер восьмиместный, “Тайга”. Намайлся с ним – страсть... Старый, дрявый, что можно – свинчено... А что нельзя – с мясом выдрано.

Долго Санька возился – все своими руками, по винтику, по гаечке... Но сделал – игрушка! Покрасил – сверкает, белый с синим, а на бортах, буквами большими красными: “МАША”. Название, значит. Раньше-то только номер посудине полагался...

И первым делом – к нам. То есть к Машке, понятно. Я так думаю, показать – что он теперь не футы-нуты... Предприниматель. Капитан. Судовладелец. И будущее впереди имеет...

Не знаю, до чего они дотолковались тем вечером, врать не буду... Но замуж она за него не пошла... Может от ворот поворот дала, может подождать-подумать просила... Не знаю.

А утром Санька на берег выходит, глядь – катер какая-то падла изгадила. Не то чтоб сильно, но... неприятно очень. Короче, намалевали на борту, после МАША, черной краской – ЦЕЛКА. Такими же буквами здоровенными. На другом – то же самое. С намеком, значит. Дескать, не обломится. И наши-то парнишки за ней бегали, ну и подстарались ночью...

Ух, он вскипел! Да пойдя, найди... Всем по списку морду не набьешь. Выпросил скорей краски белой баночку, замазал. Только вот черные буквы все равно проступали, особливо если чуть подальше отойти. Так и отплавал первый рейс на “МАШЕ-ЦЕЛКЕ”...

Потом, ясное дело, отскоблил до металла, заново выкрасил – но название прикипело. Намертво. Так и говорили:

«На чем в город-то едешь?»

«Да на “Целке”...»

За глаза, понятно. Так-то Саньку уважали. Да и цены не ломил, как другие... Думаю, не получилось бы все равно из него буржуя, не тот человек был...

Но это все присказка, заповка...

Ты давай, наливай, не стесняйся. Под рыбку... Рыба-то, она посуху не ходит... И-эх, хороша... Научились в городе водку делать, раньше-то такой сучок воркутинского разлива к нам завозили...

А Санька-то? Санька...

На другое лето было... Рыбалили мы с друзьями на Синей Курье – это верст тридцать выше. Место укромное – чир, сижок попадает, да и лососка с моря порой доходит... Нут' ты сказал... Чир – это рыба такая, темнота ты столичная... Заверну с собой пару малосольных – пальчики оближешь.

Ну, короче, поставили сети, сидим на берегу, поглядываем... Рыбнадзор туда редко сует, но все же... День сидим, другой, рыбу солим.

Вдруг: стрекочет по реке. Снизу. Что за гости? А это “Маша-Целка” против течения идет. Рисковый был парень Санька. И фартовый – там чуть ниже по реке пережат, Ольгин Крест. Летом – непроходимый. Камни как клыки торчат. А которые не торчат – те еще хуже. Мы и то дюралки берегом, бечевой протасили... А то не днище вспорешь, так шпонку с винта срубишь всенепременно... Но Санька – проскочил. На “Тайге”! Как? – сам до сих пор удивляюсь...

Ну, пальнули в воздух, машем – причаливай, дескать. Саньке завсегда рады – рыбки с собой дать, разузнать, что на реке творится...

Причалил. С ним четверо, городские. Эск-пи-ди-ция. В Усть-Куломе Саньку наняли. Да нет, не геологи... Кончились у нас геологи, давно не шляются... А как эти обозвались – не помню. Что-то мудреное...

Один пожилой, типа профессор. Нет, профессором они его не звали, все по имени-отчеству, но глянешь – натуральный профессор. Очки, борода, трубка – все как положено. Двое других, мужик с бабой, при нем как бы... и не то чтоб просто к нему с уважением – поддакивают да в рот заглядывают.

А четвертая... Я сперва подумал, не с ними, не с профессором. Решил, грешным делом, что отсох Санька наконец от Машки, порадовался за него было – вон какую краплю отхватил... Э-э-эх...

Ан нет, тоже в эск-пи-ди-ции. Сколько прошло, а как живая перед глазами... Молодая, лет двадцать... Блондинка... Нет, ты пойми, не белобрысая – блондинка! Как... ну я не знаю, как... Э, не сказать... Видеть надо. И глаза – синие. Много я глаз у людей видел, всех цветов, и голубых тоже... Но таких...

Я и тогда не молоденький был, но, знаешь, что-то внутри ворохнулось... А Санька... не знаю... так на нее глядел. Да нет, не влюбленно. А словно... Как будто что-то видит он в ней, другим незаметное. Видит – и понять не может – что... Или поверить...

Даже имя ее я запомнил, остальные-то из головы вылетели. Странное имя, редкое – Адель...

Знаешь, я только потом понял, что меня так в ней зацепило. Яркая! Ну, как... Вот, если в ящике цвета перекрутить лишку, то люди на экране не совсем как в жизни, а... В общем, такая и была... И волосы, и глаза... одежда тоже... Ну хорошо, волосы, понимаю, и покрасить можно... А глаза? Окстись, какие на хрен линзы... Говорю тебе – натуральные глаза, синие...

Ну ладно, вылезли они, потолковали с нами... Дело к вечеру, решили дальше не трогаться, все равно Санек хотел через полчаса место для ночевки приискивать...

Как положено – костер, уха, водочка. Профессор не крепкий попался – разомлел, понесло... Лапши навешал – ларек макаронный открывать можно. Будто в верховьях Кулома, чуть вдаль от берега, деревня есть нежилая. Староверы жили, кержаки. Сектанты. Не знаю, никогда про такую не слышал... Если и была, видать, давно слишком все повымерли.

Ну а они туда добираются, чтобы... Не знаю, долго он распинался, но я тогда подавши был, мало что запомнил... Помню, говорил профессор, что секта та была маленькая, только в той деревушке и жили... И верили они в... черт, во что-то такое странное они верили... Не помню, и потом, через неделю, вспомнить не мог... Как обрезало... Но что-то профессор там найти интересное рассчитывал, что от кержаков осталось... И для науки своей крайне важное...

А девушка эта, Адель... Сидела, молчала. Улыбалась рассказу профессорскому... Так улыбалась, что я сразу догадался, в чем тут дело. Тогда считал, что догадался...

Э-э, смекаю, брат профессор, знаем мы твою науку... По красным углам решил пошариться, иконками разжиться... У кержаков-то их много бывает, и старинных, иные староверы новых, после Петра писанных, и не признают вовсе... Хер ты, а не профессор, думаю, даром что в очках и с бороною... Пьян я был под конец сильно.

Ну, утром – уплыли. Те трое так в каюте и дрыхли, Санька – у штурвала... А девушка, Адель – на корме стоит. Волосы ветерок треплет; увидела, что я на берег вышел – махнула мне... Даже не махнула – вот так вот рукой сделала... Не знаешь, что у городских жест такой значит? Вот, и никто не знает... Не то перекрестила по-странному, не то... Может, тоже из староверов была?

А я, как дурак, на берегу стою, вслед ей смотрю... В немалых ведь годах уже был, а как мальчишка тогда одеревенел...

Знать бы, как все повернется... схватил бы карабин – и с ними... Э-э-эх...

Что потом-то было? Что было... Отчиняй третью, на трезвую голову не могу я про это...

Дальше... Дальше они уплыли, мы остались... Рыбу ловим.

На пятый день со мной неприятность вышла. Конкретная и жизненная. Мои-то кореша вдвоем на “Прогрессе” в Парму двинули – рыбу свезти, поднакопилось, да продуктов с выпивкой захватить... А я значит на хозяйстве остался. Сижу один, дело привычное. На «казанке» сети поплыл проверять – мужики только на другой день вернуться должны были... Ну и...

Рыбинспектор новый подкрался, Гнатюк... Не из наших, пришлый. Сволочь та еще... Не знаю уж, за что его из ментовки поперли, но не за лишнюю обходительность с урканами, это точно... К рыбохране притерся... И давай мести по-новому. Мужик – косая сажень, кулаки как арбузы – в одиночку в рейды ходил, гнида несговорчивая...

Про все наши с ним войны рассказывать – это еще ящик казенной усидеть надо. Состоялся у нас разговор в тот день нехороший, нервный. На повышенных тонах... и не только тонах...

Кончилось чем: сижу я в «казанке» посередь реки – сетей нет, мотора нет, весел нет. Ничего нет. Вдали моторка Гнатюка затихает.

В борту дуршлаг, водичка внутрь как из душа сочится – гусиной дробью, гад, засандалил. Ситуация... Врагу не сдается наш гордый «Варяг»...

Да нет, потонуть-то лодка не могла, у «казанки» поплавки пенопластом набитые, но... Но несет меня напрямик на Ольгин Крест. На пережат. На камушки. Не то чтобы совсем близко – но делать что-то надо.

А что делать? Ладонками не отгребешься... А вода сам знаешь, какая у нас даже летом – вплавь не сунешься, судорога хватанет – и корми рыбешек, отдавай долг за всех их родственниц съеденных... Дела... Хоть фуфайку снимай и ставь вместо паруса...

Слышу: тарактит! Гнатюк, гад, возвращается? Нет, сверху... Смотрю: “Машка-Целка”! Ну слава Николаю-угоднику, не судьба потонуть нонче... Вовремя Санек подоспел, поживу еще...

“Машка” все ближе... Кричу, руками машу – ноль внимания. Чешет по прямой с той же скоростью. Уснули, что ли? Да только как чувствую, что не уснули... Нехорошо мне, брат, стало... Муторно...

А “Целка” прямо на меня рассекает... Ну, не совсем на меня, чуть в стороне пройти должна, метрах так в пяти... Но мне что пять метров, что пять километров – не подплывешь, не перепрыгнешь... А подбирать меня, похоже, так никто и не собирается...

Ладно... Вспомнил, что кошка у меня осталась, какой сети на дне нашаривал... Размотал скорей шнур, бросаю... Зацепил... Потом думал часто – зря. Авось не потонул бы как-нибудь, уцепился бы уж за лодку разбитую... Зато сны бы эти поганые не видел...

Эх, наливай, нет моих сил все это вспоминать трезвому...

Лучше бы там...

Ну ладно... “Машка” плывет, я на буксире. Не кричу больше, понимаешь? Не тянет звать их что-то... Подтянул я «казанку» к катеру, шнуром привязал, запрыгнул к ним... К ним... На корме – никого. В рубку голову сую – пусто. Нет Саньки... Рычаг газа на фиксаторе стоит, на среднем ходу... А по носу, совсем рядом, барашки белые взбухают – Крест!

Я скоком за штурвал, удивляться некогда – разворачиваю, газ на полный... Едва успел. Отвел катер подальше от переката – в каюту... И, знаешь, уже готов был, что там увижу... Разное видывал, и знаю, как из-за поллитры глотки режут, а уж за иконы старые... Не они первые, бывали тут всякие любители, и бывало с ними всякое... Думаю: лишь бы не Саньку. А про Адель, странное дело, не вспомнил... Хоть и зацепила она меня крепенько.

Короче, влез я каюту, ко всему готовый... Думал, что ко всему... Зря думал...

Никого. Совсем никого. Ни живых, ни мертвых. Крови нет, икон не видно... Я назад, там напротив рубки отсек крошечный – гальюн, значит. Ручку рву – заперто! Изнутри заперто! Мать твою, вот вы где... Как я эту дверцу в один момент голыми руками разпиздрячил – сам не знаю. И кого я там найти думал – тоже не знаю, и двоим не вбиться, не то что пятерым... Ополоумел...

Но там и одного не было. И не спрашивай, как он там заперся и куда потом просочился – в слив, что за борт ведет, едва кулак просунешь...

Мутно мне стало, чувствую – штормит, ноги косятся... Да какое за борт попрыгали... Эт'те не «Боинг», автопилотов нету... Чуть выше излучина... Поворот, понял?! Если б у штурвала там никого не было, до меня “Машка” никак бы не доплыла – в берег ушла бы... А как из-за поворота выскочила – тут уж я с “Целки” глаз не спускал! Отвернулся, говоришь? На секунду? Ага... И они в ту секунду залпом за борт, все пятеро. И с камнями на шее... А один затем руку в сортир снизу просунул – дверь запереть...

Снова в каюту, смотрю внимательно, понять пытаюсь... Хотя знаю... нет, не знаю, чувствую – ничего и никогда тут не поймешь... На столике там – бутылочка коньяка, плоская такая, махонькая... стопочки-наперстки налиты, четыре штуки... пепельница... Бычков в ней нет, пепел только, но... дым вот... Знаешь, я никогда не курил, нюх хороший... Чувствую – дым табачный не застарелый. Совсем свежий дым, чуть не горячий...

От беды койки поднял, под ними глянул, где спасжилеты хранятся... Что, что... А ничего! Жилеты есть, трупов нету... Зато опускаю койку, и... нашел кое-что – в спинке воткнутое... не знаю что... шабер? – не шабер, на финку тоже не похож... старинная штучка, из серебра вроде как... Причем воткнут глубоко, по самую крестовину... в интересном таком месте... Нут-ка, подвинься... да в эту сторону, покажу на спинке стула... Во! Акурат сюда... Смекаешь? Как раз напротив сердца... Только сердца нет... И крови не капли... Ничего нет... Хотел я коньяку глотнуть, чуть взбодриться... Не могу! Прикинь? Не могу себя заставить – ни к бутылку, ни к стопкам прикоснуться... Нет, ты представил? Я – и выпить не могу?!

Ну что... Больше на этой скорлупке искать их негде... И чувствую я – не получится у меня этот корабль-призрак в Парму привести... И даже к берегу в Курье причалить – не получится... Страшно... За штурвал сесть страшно, за ручку газа взяться страшно... Только что, у переката, не побоялся по запалу – а сейчас не могу... Головой верчу как заведенный – все кажется, кто-то сзади...

Короче, заглушил я мотор, прихватил багор на корме – и в «казанку»... Ножом по шнуру полоснул – пускай “Маша-Целка” своим ходом в Парму плывет... Без меня как-нибудь... Не доплыла – напоролась на каменюгу как раз на Ольгином Кресте и затонула чуть ниже...

А я кое-как багром до берега добултыхал... В палатку – и весь остаток водки за раз и того... Кореша вернулись – лежу, мычу, ничего не рассказываю... И потом не рассказал. Никому...

Что дальше? Искали их, не нашли. Никого из пятерых не нашли. Я, когда в верховьях бывал, думал иногда: разыскать, где Санька причаливал, должны были следы какие остаться... И попробовать до деревушки той добраться – может, прояснится что? Пару раз за этим нарочно туда ездил, да с дороги возвращался – не мог... Как вспомню – разворачиваю дюральку – и по газам...

Марья, Маша-то, замуж вскоре вышла... За городского, из Питера – но корни с наших мест имел... Ну и... Там у вас и живут, дите вроде у них... Не знаю, сюда не наведывались.

Вот и вся сказка, хочешь верь, хочешь нет... Конец бутылке, конец истории... Пора и на боковую, мне рано утром сети снимать... Да нет, тут стоят, недалече... В Синюю Курью я больше ни ногой, хоть место и рыбное...

Что? Ишь ты... Догадлив, однако... Х-хе... Да, было дело... Не только багор я с “Машки-Целки” прихватил, не только...

Ладно, уговорил... Подожди, сейчас... Подальше держу, мало ли... Ну на, смотри... Серебро? Старинная штучка, продать бы ее, но... Не могу расстаться... Знаешь, если б не она... Подумал бы, что пьяный в палатке провалялся, что привиделось все...

Никому ее не показывал. Никогда. И не рассказывал никому. А знаешь, почему тебе рассказал? И показал? Нет, брат, не за водку твою, не за культурное обращение, нет...

Глаза у тебя такие же. Те же самые, что мне пять лет снятся. И взмах тот снится, и “Машка” вдали исчезающая...

Вот так вот Адель и смотрела... Именно так... Не смотри так, будь другом. Не надо. Не смо...

* * *

Старшина Косаргин никакого криминала не обнаружил – пил Гаврилыч крепко, все знали. Хоть и глотал что казенную, что первач, как воду, без видимых глазу последствий – но свой-то организм ни твердой походкой, ни уверенной речью не обманешь... А вчера, похоже, усидел три поллитровки в одиночку за вечер – и не выдержал мотор у старого браконьера.

Доктор Волин, с большим трудом извлеченный из участковой больницы и из недельного запоя, явился в обнимку с трехлитровкой разведенного медицинского и вписал недрогнувшей рукой в нужную графу: сердечная недостаточность. Недрогнувшей – это выражаясь фигурально. Кисть тряслась, как на вибростенде, почерк был самый “медицинский” – нечитаемый.

Отыскав в спартански обставленной халупе документы умершего, Косаргин удивился дважды. Сначала возрасту, потом имени – Гаврилыч оказалось не отчеством, как много лет все вокруг считали – скорее, образованным от имени прозвищем. Звали покойного Гавриил.

Вскрытия не проводили.

Небольшой старинный кинжал в доме Гаврилыча не нашли.
Да и не искали.

ЧАСТЬ I. ЖЕСТОКОСТЬ.

Рассмотрим вопрос об эпитафиях, господа кадеты. Даю под запись: эпитафия есть цитата, помещаемая автором перед текстом либо его частью. Записали? Продолжим. Эпитафия выполняет три тактические и одну стратегическую задачу. Первая тактическая задача: показать как умен и трудолюбив автор. Он (автор) – читал мемуары Киёмасы Като о походе в Корею и даже не поленился при этом переписать пару фраз. Вторая, диалектически развивающая первую: показать, как глуп и ленив читатель – он (читатель) не читал означенных мемуаров и ничего не выписывал. Третья: пояснить идею произведения (для неумеющих уяснить ее из текста либо для текстов, идеи не имеющих). Задача стратегическая: увеличить количество авторских листов и, по возможности, сумму гонорара. Посему: Отставить эпитафии!

Глава 1.

– Нет, Ваню, с этим надо что-то делать... Скоро ведь что получится? Ведь если ничего не менять, то что? Крысодавы, “мазилки” всякие, мастерами скоро станут? А потом что? Гроссмейстерами, да? Как же это, а? Надо нам обязательно с Прохором собраться и все это обкашлять... И побыстрее... Хватит, наболело!

Славик Полухин старался быть напористым и убедительным. Не получалось – был он многоречив и зануден.

Ваня, не отвечая, – шелк, шелк, шелк – вставлял патроны в обойму. Желтые цилиндрики ложились ровно и плотно – не то что бессвязные аргументы Полухина.

– Ну что ты молчишь? Я – учредитель, ты – мастер и учредитель, – неужто наше слово не решающее будет?

Ваня поставил обойму на место, беззвучно сдвинул предохранитель и – на вытянутых руках – полюбовался карабином.

– Подумай, Айванез – гроссмейстеров в клубе пока нет! Пока! Появятся – будут заправлять они. По уставу... А тебе, между прочим, до гросса три очка осталось...

Хорош “Везерби 0.22 спортер” – и красив. Скупой такой красотой, не щеголеватой, блеск и мишура для дешёвок – а это вещь. Вполне стойкая заплаченных денег... Кстати, немало пришлось приплатить и таможене – дабы оформили как спортивное, чисто тировое оружие. И – лишних триста долларов стоил вариант под левую руку.

Ваня был левша.

– Три очка! – продолжал разоряться Полухин. – А сам знаешь, как их теперь набирать тяжко...

Ваня знал. Сам Полухин не набрал еще ни одного – радел за идею. Стрелок из Славика не очень... Давно бы вылетел из клуба, если бы действительно не был учредителем.

– И как тебе понравится, Джованни, если в гроссмейстеры вперед какой “мазилка” пролезет? Обменяв свои баллы на очки? Пятьдесят к одному? Понравится, да?

Ну, положим, баллы тоже набирать не просто, а то от grosов не протолкнуться было бы. Цель маленькая, увертливая... Хотя, конечно, того адреналина в крови нет, какой бывает, когда берешь очко...

Ваня отсоединил обойму, оптику, прошелся по карабину фланелькой и уложил все в футляр. Хранилище у “Везерби” было роскошное, не хуже чем у скрипки Страдивари.

Он аккуратно поставил футляр к шкафу и ответил на все излияния Славика коротко, одной фразой:

– Что ты предлагаешь?

Славик был готов предложить многое:

– Значит так. Во-первых, сменим курс. Не пятьдесят баллов к очку, а сто! Или, может, двести? Как думаешь, Иоганн?

Ваня сказал, что думает:

– Когда дойдешь до Янека – дам в ухо.

Довольно равнодушно сказал, скупко проинформировал. Славик сбился с мысли. Знал – чтобы услышать от Вани такое, надо ему изрядно надоест. Не разозлить, не обидеть – всего лишь надоест. От разозлившегося Ваньки он драпанул бы во все лопатки – видел однажды, вполне достаточно... По счастью, злость была направлена не на него – на троих здоровенных пьяноватых обломов, вздумавших выгнать на пинках из подземного перехода просившего милостыню мальчишку...

Славик в бега не ударился, но заговорил медленнее, внимательно подбирая слова:

– Двести, по-моему, самое то... Во-вторых: ограничения по оружию. У нас элитный клуб, черт возьми! Никаких дедовских тозовок с самопальными глушаками – исключительно фирма! Ты как, Жа... Ваня?

Славик осекся. И больше Ваню иностранными производными от его имени не называл. Не только в этот вечер. Никогда.

Фирма, говоришь...

Ваня мысленно усмехнулся. Вот в чей огород камешек... Крепко задел Полухина Максим со своей старой ТОЗ-8. Неизвестно, на кого и как он охотился с нею в Сибири – но в клубе за два месяца вплотную подошел к норме мастера. Причем исключительно на баллах. И без оптики! С обычным открытым прицелом... Ничего себе новичок-“мазилка”... Свои достижения Макс объяснял бесценными качествами доставшейся от деда мелкашки. Славик долго его обхаживал, уговаривал – и выкупил-таки, подзаяв и подкопив, тозовку за хорошие деньги... Как и следовало ожидать, ничего не изменилось – Макс с прежним успехом стрелял из “Маузера-автомата” с цейссовским прицелом – а Славик после двух позорных провалов расколотил в щепки приклад дорого доставшегося раритета...

Он не сказал ничего, посмотрев в упор на Славика. Тот смутился:

– Ну не знаю... Может и не стоит... Но обмен баллов на очки надо изменять, это точно...

– Я скажу тебе одно...

Ваня подошел к шкафу, проделал ряд хитрых манипуляций с сенсорными кнопками, не видимыми под фанеровкой – набрал код и отключил механизм самоликвидации. Узкая горизонтальная панель сползла, открыв потайное отделение. Личный сейф, полагавшийся мастерам – там, в семи склянках, были заспиртованы трофеи. Семь склянок – семь очков. Еще три – и звание grosа твое. Всего три склянки...

Впрочем, грубое слово склянка не подходило к тончайшему лабораторному стеклу “Кавалер-Симекс” – никакого искажения-преломления, все как на ладони... Ваня посмотрел на коллекцию и повторил:

– Я тебе скажу одно – в уставе ничего дословно не сказано про обмен баллов на очки. Там сказано про обмен хвостов на уши. Пусть “мазилки” идут со связками крысиных хвостиков в валютный обменник. Я свои добытые никому не отдам...

Сквозь прозрачные спирт и стекло действительно виднелись уши.
Человеческие.

* * *

Клуб официально назывался “Хантер-Хауз”. Дурное название, честно говоря, – Прохор придумывал. Ваня – для себя – предпочитал попроще: подотдел очистки.

Подотдел, он же клуб – как организация с написанным на бумаге уставом и членскими взносами – оформился пять месяцев назад. Примерно в то же время интерн Булатова впервые (и не без оснований) заподозрила, что сошла с ума.

* * *

Женщину убивали жестоко.

Цепной пилой.

Щетинящаяся зубьями цепь дрогнула, дернулась, и стала серой, смазанной, полупрозрачной от быстрого движения. Обнаженная женщина смотрела на нее игольно-точечными зрачками – равнодушно. На губах застыла бессмысленная улыбка. Женщина была далеко.

Но ее безжалостно втащили сюда – в кошмарную для нее реальность. Цепь коснулась кожи – легко, почти ласково – и тут же отдернулась. Наискось живота протянулся алый след. Цепь на долю секунды потемнела – и снова стала прозрачно-серой.

На третьем касании женщина закричала – боль пробилла блокаду наркотика. Задержалась всем телом. Сыромятные ремни держали крепко. Цепь продолжала свои бездушные ласки. И только через несколько минут вгрызлась в тело по-настоящему. И пила, и женщина зазвучали по-другому: пила басовитее, натужнее – женщина зашла в граничащем с ультразвуком вопле...

Кровавые ошметья полетели в лица зрителям.

– Ну и где здесь искусство? – спросил Тарантино с легкой брезгливостью.

Крупные капли крови и крохотные кусочки мяса сбегали по экрану – изнутри. Так казалось. На самом деле они, конечно, попадали на объектив камеры.

– Так в чем тут искусство? – повторил Тарантино. – Все составляющие этого кича просты, как использованный презерватив: вокзальная поблядушка, шприц с дурью и бензопила... Бабу коллективно попользовали и расчленили... Где сюжет? Где конфликт? Где интрига?

Интриги на экране не наблюдалось. Камера показывала, как пила буксует в отдельных фрагментах – уже не дергающихся.

– Народ любит кич, – возразил собеседник. – Зато такие ленты можно печь со скоростью две штуки в неделю. Не слишком даже повторяясь – всевозможных механических устройств придумано достаточно. Тут и интрига появляется: а что новенькое будет у “Веселых потрошителей” в следующий раз? И некоторые находки совсем не дурны... Ты видел, кстати, серию с промышленной мясорубкой? Вполне изящно...

Тарантино лишь фыркнул. Собеседник продолжил:

– А пока ты закончишь свой очередной шедевр, зритель тебя забудет... Зритель ждать не любит. Ему нужна новая порция – раз в неделю, по меньшей мере... Короче: когда я получу готовую кассету?

Тарантино поскреб щеку. Фирменный станок, имитирующий при бритье полторанедельную щетину, обошелся ему в круглую сумму – имидж требовал жертв...

– Есть некоторые проблемы... – осторожно сказал Тарантино. Слукавил – проблема уже была захоронена в укромном месте. – Исполнитель главной роли... хм... вышел в тираж... Поиски дублера с подходящей фактурой займут некоторое время...

– Да-а? Некоторое? А ты не напомнишь, дорогой друг, когда ты получил у меня аванс?

Тарантино вздохнул. Напоминать о грустном не хотелось. И он объявил решительно:

– Завтра подберу типаж, послезавтра начну съемки...

Невозможно работать, когда художника так вот подгоняют. Ладно, фильм дошел до стадии, на которой даже малейшее портретное сходство не требуется. Достаточно найти мальчишку с подходящей фигуркой и ростом...

Разговор имел место в кафе, в отдельном кабинете. Многие завсегдатаи невинной с виду забегаловки на окраине огромного города и не знали о существовании сего помещения. Розово-пастельный интерьер, видак, широченный диван-траходром – гнездышко любви. Но птенчики отсюда выпархивали совсем другие.

... Уходя, Тарантино подошел к приткнувшемуся у дверей бару. К стойке был подвешен фрагмент скелета – костяк руки. Тарантино пожал потемневшие мослы. На ощупь они напоминали пластиковый муляж – неважно, ритуал есть ритуал. На удачу.

Завтра она понадобится.

Глава 2.

Менты тормознули их неожиданно. Прохор выругался. Славка сжался в комочек, став маленьким и незаметным. Ваня бережно положил футляр с “Везерби” на сиденье и вылез из джипа. Прохор – за ним.

Вот так. Это не просто рутинная проверка на дорогах. Майор Мельничук собственной персоной. И персона его чем-то неприятно озабочена. Чем-то даже взволнована – Ваня встречался с Мельничуком в четвертый раз и сделал вывод, что лучшим индикатором майорского настроения является его окруженная порослью рыжих волос лысина.

Сейчас лысина отливала в лучах закатного солнца фиолетовым – признак самый неблагоприятный.

– Куда следуете, молодые люди? – поинтересовался майор казенным голосом. Как будто не знал, куда и зачем они ездят.

– Следуем на стадион завода “Луч”, на стрельбище, товарищ майор, – в тон ему отпартовал Ваня.

Хотя сам внутренне напрягся – что-то у ментов стряслось. Необычное и неприятное. Ни на простой, ни на усиленный патруль ДПС задержавшие их не походили. Две легковушки, вокруг роятся люди в брониках и с укороченными автоматами. Второй джип, пытавшийся мирно-незаметно проскочить мимо – остановлен. Чуть поодаль от легковушек – микроавтобус. Тоже, надо понимать, не пустой. И – на сладкое – сам майор Мельничук.

Похоже на операцию. Неужели против них?

Прохор на эти тонкости не обращал внимания – медленно и молча наливался злостью. Колер лица начинал соперничать с майорской лысиной-индикатором. Ваня предостерегающе сжал его локоть – сильно, даже сильнее, чем хотел. Прохор дернулся.

Небывалое продолжалось.

Парни в бронежилетах начали обыскивать машины.

Очень дотошно обыскивать.

* * *

Началось все почти год назад – прохладным и дождливым июлем високосного лета.

Это было удачное лето – для Вани. Так он думал тогда. Изнурительная гонка завершилась промежуточным финишем – после полугодовой стажировки в Бирмингеме он стал вице-директором петербургского филиала.

В двадцать семь.

Абсолютный рекорд Корпорации.

Позади остались семь страшных лет: изматывающая работа и еще более изматывающая учеба. Почти с нуля – первый наемный педагог начал с избавления от окающего акцента. Дальше – больше. Последний – наоборот – акцент ставил. Оксфордский. И заодно читал курс корпоративной этики. На сон оставалось два-три часа. На личную жизнь ничего не оставалось. Маркелыч вкладывал только деньги. Силы и здоровье вкладывал Ваня. Все мужчины его семьи были сильны и выносливы.

И все умирали рано.

Он выдержал. Прощел. Пробился. Сделал непредставимое для парнишки из затерянного в дебрях Севера поселка. Победа окрыляла. Пути были безграничны.

Потом произошло это.

И он подумал: зачем все?

* * *

Пригородное шоссе. Шесть человек у двух джипов. Лицом к машинам. Ладони на нагревшемся металле. Ваня с Прохором чуть в стороне – с Мельничуком. Ребята в сферах и брониках шустро роются в салонах. Спецназ? ОМОН? СОБР? Кто их разберет, пятнисто-одинаковых... По всей форме не представлялись.

Обыскивали странно. Почти не обращали внимания на упакованные мелкашки и патроны. Знали, что все бумаги в полном порядке? Тщательно исследовали места, способные вместить что-либо небольшое: пачку денег, пистолет, нож...

Похоже, весь сыр-бор к клубу “Хантер-хауз” не имел отношения. Но расслабляться рано...

– Пойдем, поговорим, – поманил Мельничук Ваню.

Они отошли на два десятка шагов. Прохор дернулся было следом – уперся в короткий взгляд и короткий ствол пятнисто-бронированного. Нервно затоптался, багровея даже уже не лицом – шеей. Жаркое было лето...

...Майор поглядывал на существование “Хантера” не то чтобы сквозь пальцы – сквозь подозрительный прищур... Дважды осторожно посылал следом оперативников – после того, как однажды возвращавшиеся с ночной операции собровцы напоролись на подотряд очистки за работой.

Все три рассказа совпали: парни оцепляли старый, выселенный дом или заброшенное здание в промзоне, швыряли в подвал некие предметы (газовые гранаты?) и открывали пальбу по выскакивающим полчищам крыс... Развлечение идиотское, но охотнички действовали грамотно и слаженно, собровцы (до начала пальбы) посчитали за спецоперацию родственных служб, подкатили: помощь нужна? Судя по всему, опасаться, что ребята продырявят сдуру друг друга, не приходилось. Да и винтовочки мелкокалиберные, маломощные, предназначенные для бумажных мишеней...

Примерно так успокаивал себя Мельничук до последнего времени...

Конечно, нарушался “Закон об оружии”. Но ответственность за стрельбу из спортивного оружия вне тиров и стрельбищ административная – заводить дело из-за штрафа в два минимальных оклада не хотелось... А жалоб не поступало – аккуратные парни, крысиные трупы за собой прибирают, даже гильз не оставляют – пользуются гильзосборниками... Да и район, в конце концов, чище становится...

Милиция последнее время два знакомых джипа не останавливала...

Да и раньше, когда останавливала, – в большом продолговатом ящике, заполненном окровавленными, лишенными хвостов крысиными тушками – никто не рылся. Боялись заразы, да и противно...

Зря.

Самые крупные экземпляры бывали внизу.

* * *

Тогда, год назад, он подумал: зачем все?

Нет, не так... Сначала Ваня ничего не думал – по крайней мере, не помнил ни одной своей мысли. Вообще ничего не помнил о последних секундах.

Когда способность осознать окружающий мир вернулась – у ног лежало тело.

Мертвое.

Он сразу понял – мертвое.

Не надо щупать пульс и прикладывать к губам зеркало. У живых не торчат руки и ноги под такими углами – да и не сгибаются в таких местах. И, главное, – не может смотреть в потолок лежащий на животе человек. Если, конечно, действительно жив...

Крови не было.

В подъезде не было никого – девчонка испарилась.

Надо было уйти и ему. Немедленно.

Но он стоял. Стоял и не мог понять: зачем все это?

Зачем? Зачем? Зачем?

* * *

Они молчали, отойдя от деловито суесящихся у джипов камуфляжников.

Ваня намеренно отдавал инициативу собеседнику. А майор не знал, как сформулировать то, что думает...

Майор Мельничук не был тупицей.

Он знал, что любые игры, любые дурацкие забавы с оружием кончаются кровью. Всегда. Хорошо если малой – простреленной сдуру рукой или ногой.

Но иногда крови бывает много. Очень много.

Оружие в руках – страшное испытание для психики.

Расстрелянные караулы и двинувшие в бега вооруженные солдатики – вершина айсберга. Психологи удивленно разводят руками. Действительно, с чего? Отпахал человек полтора года, совсем немного остается, и не салага уже бесправная – заслуженный дедушка, и писем от невесты: прощай, любимый! – не получал... Нет причин! Нет! Есть только следствие – залитая кровью караулка. И, если не повезет, – еще трупы, уже штатских... Загадка.

На гражданке таких загадок не меньше – майор это знал как никто другой. Окровавленных загадок. Зарезанных, заколотых, застреленных – вроде беспричинно. Почему? Зачем?

Мельничук знал ответ. Думал, что знает. Ответ, явственно припахивающий мистикой...

Он считал, что любое оружие несет в себе кусочек души своих создателей. А создают оружие – настоящее оружие – для одной цели: убивать. Не сверкать на парадах и в музейных витринах; не грозить, пугать, и вообще не производить впечатление; не служить услугой влюбленным коллекционерам; не ставить рекорды на спортивных стрельбищах... Убивать. И мертвые вроде куски металла мечтают делать то, для чего рождены...

Дремлющие в тишине музея клинки сладко грезят о свистящем полете, и о раздающейся плоти, и о срывающихся с заточенного до невидимости лезвия алых каплях... Спусковые крючки гипнотизируют стиснувших рубчатую рукоять: нажми! нажми!! нажми!!!

С оружием нельзя играть. Им надо убивать – или не брать в руки.

Может, Мельничук думал об этом и не так романтично.

Но он знал.

Знал по себе.

Вычистив табельный ствол, тут же убирал его, стараясь не держать в руках сверх необходимого. Редко носил с собой. И никогда не дарил детям игрушек, изображавших оружие.

Он с удовольствием прихлопнул бы “Хантер-хауз”, но... Но, к примеру, у стоявшего сейчас перед ним парня был личный адвокат.

Личный.

В двадцать восемь лет.

Времена...

Адвокат не по уголовным, понятно, делам, но это не важно – если что, набежит целая свора, самых матерых и раскрученных, готовых пустить от майора Мельничука клочки по

закоулочкам... Чтоб не трогал без веских оснований молодую бизнес-элику – надежду и опору российской экономики.

Стиснув зубы, он ждал. Ждал, когда появится первый раненый... Или, хуже того, первый труп... Тогда... Тогда он не будет оглядываться на адвокатов, берущих в качестве гонорара его десятилетнее жалование.

Труп появился. И не один.

В зоне действия подотряда очистки.

Очень интересные трупы.

Обескровленные...

* * *

Ваня думал почти о том же.

О мертвом теле. Чье ухо не украшало его коллекцию. Говорят, первый убитый является потом во сне... Ваня спал спокойно. Мысли об этом приходили днем – не вовремя и неожиданно.

... Это был старый двухподъездный дом, несколько лет назад расселенный. Не под снос – власти вяло искали инвестора, способного выкупить и капитально отремонтировать...

Корпорация занималась обратным процессом – не к лицу раскинувшей филиалы на трех континентах компании ютится в арендуемых офисах. Нужно свое здание, с расчетом на перспективу... Предварительным осмотром предлагаемой недвижимости занимался Ваня.

Дом не понравился сразу. Да и место глухое, окраина. Не заходя внутрь, он возвращался к машине, когда услышал крик. Из подъезда. Приглушенный, задавленный...

... Девчонка лет двенадцати-тринадцати сопротивлялась отчаянно, понимала – внутри шансов не будет. Цеплялась за все, попадавшееся под руку. Кричала в короткие моменты, когда от губ отдергивалась укушенная грязная ладонь.

Но противник был гораздо сильнее. Невысокий, мощный – подобранное на помойке женское пальто на груди не сходилось...

Потом не было ничего.

Пустота, обрыв пленки.

И, сразу, без перехода – изломанное тело под ногами. Труп.

Он спал ночами мало, но спокойно – здоровый организм, крепкая психика. Но думал дни напролет.

Поговорил с друзьями, Прохором и Славиком. Те согласились – по разным причинам. В ту ночь к заброшенному двухподъездному дому они шли, экипированные совсем по-дилетантски. Три газовых гранаты – самодельных, из мощной петарды, обвязанной баллончиками SC – лишь одна сработала, как надо. Кастет. Нунчаки. И старый дробовик, оставшийся Ване от брата. Лиха беда начало...

Через полгода появился клуб “Хантер-хауз”.

Подотдел очистки.

Очистки от крыс – больших и не очень.

* * *

Мельничук наконец заговорил, медленно подбирая слова:

– Иван... Я тебя считаю самым толковым в этом детском саду... (кивок на джипы). И самым ответственным. За все ответственным. И говорю тебе по-хорошему... Может быть, в последний раз по-хорошему – пора прекратить. Заигрались... Потому что может случиться – ваши игры прекратят другие. Не церемонясь, грубо и больно.

Ваня молчал, ждал продолжения. Майор рассматривал его в упор. Спокойное лицо, открытый взгляд широко расставленных глаз. Не он. Майор доверял интуиции – не убийца. Не садистский, по крайней мере, – в бою, в аффекте еще может быть... Но остальные... За спиной у вожака... Многие с крыс начинали. С собачек. С кошечек. А заканчивали...

Звякнув наручниками у пояса, подскочил лейтенант-собровец. Молоденький. Разгрузка чем только не набита и не обвешана – разве что ПТУРСов нету... Не наигрался. На самом майоре – летний камуфляж, из всей наступательной и оборонительной техники – блокнот с ручкой.

Мельничук глянул вопросительно – лейтенант легонько покачал головой. Не нашли. Предполагаемого орудия маньяка-серийника в джипах нет. Что, конечно, ничего не значит.

Майор подождал, пока отойдет собровец и продолжил:

– И присмотрись к своим ребятам. Внимательно присмотрись. Если кто-то пропадает вечерами... В одиночку... хм, охотится... Свяжись со мной, очень прошу. А если вдруг увидишь у кого странное такое оружие... или инструмент... вроде большой двухзубой вилки... с изогнутыми зубцами...

Майор развел пальцы “козой” и слегка согнул, изображая орудие, которое так и не нашли. Но эксперты заверяли – именно такое.

– Если увидишь что-то похожее – позвони немедленно. Не теряя ни минуты.

Большого он не мог сказать, не разглашая служебной информации.

Протянул Ване визитку. Помолчал, вспоминая пятерых одинаково убитых людей. Серию. И плюнул на служебную тайну:

– Были трупы. На вашем “охотничьем участке”. Кто-то играет в Дракулу.

Глава 3.

Отъехав пару километров, остановились. Учредители вышли из передней машины, и, отойдя подальше от обочины, устроили внеплановое заседание. Вопрос на повестке дня стоял один: отложить давно планируемую охоту? Или, вопреки всему, продолжить?

Ваня коротко пересказал разговор с Мельничуком и предложил высказывать мнения.

Ведись у собрания официальный протокол, мнение Прохора попало бы туда в объеме не более пяти процентов: было многословным, нецензурным и касалось личных и служебных качеств всей милиции вкуче и майора Мельничука в частности. А также намерений выступавшего в отношении поименованных лиц – намерения оказались, прямо скажем, гнусными и попадали под целый букет статей уголовного кодекса, касающихся преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности.

Резюмировал Прохор кратко: продолжать. Два снаряда в одну воронку не падают, а проклятая ментовня свирепствует сегодня лишь на шоссе. На худой конец очки не набирать, ограничиться баллами.

Последней фразе Ваня не поверил. Опережающий его на два очка. Прохор стрельбу по крысам уважал не сильно. К тому же – без пяти минут гроссмейстер. Какое там без пяти минут – удачный выстрел занимает доли секунды.

Славик Полухин, как всегда, мялся и колебался. С одной стороны, милиции он побаивался, несмотря на отработанный алгоритм и все меры предосторожности.

Хотя просчитано было все. После чуть не ставшей роковой проверки к укромному месту утилизации машины ездили порознь, с дистанцией в два километра (джип с “грузом”, естественно, сзади) – и поддерживали при этом постоянную связь. Кодированную. Утилизацию Прохор, в мирной жизни химик, придумал надежную. Нету тела – нет и дела, мало ли какие органические жидкости могут плескаться в заброшенных цистернах промзоны... А в розыск обитателей бомжатников обычно не объявляют.

Славик же всегда считал любую перестраховку недостаточной. Он наверняка бы отказался, но одно соображение одержало верх. Сегодняшний объект разведал именно Полухин. И, по принятым в клубе правилам, имел преимущественное право на крупную дичь. Славик жгуче завидовал друзьям, стрелять по юрким крысам не умел и мечтал как раз сегодня заработать первое очко. Стать мужчиной...

И высказался за охоту.

Ванин голос значения уже не имел – вопросы в клубе решались демократическим большинством. Без права вето.

Джипы рванули с места.

* * *

Мельничук попал в точку.

В самую больную Ванину точку. Творящиеся в “Хантер-хаузе” дела все меньше и меньше нравились учредителю и ближайшему кандидату в гроссмейстеры. С приходом новых членов – пусть трижды проверенных и отобранных, пусть введенных в курс дела постепенно – ситуация выходила из-под контроля.

В сегодняшнем разговоре Славик был во многом прав, хотя и затеял его исключительно из ущемленного самолюбия. “Мазилки” действительно отчаянно рвутся в гроссмейстеры – и отнюдь не все из них желают собирать для этого коллекцию в полтысячи крысиных хвостиков...

Все чаще раздаются голоса, требующие расширить ассортимент дичи.

Крупной дичи.

Мало ли на свете людей-крыс, паразитирующих на человеческом обществе? Дстойных метко пущенной пули? Много. Одни торговцы дурью чего стоят... А вот Макс, например, жутко ненавидел риэлтеров-жуликов – у квартиры, приобретенной им взамен проданной в Красноярске, оказался неучтенный наследник. Ни жилья, ни денег, приходится мыкаться по съемным комнаткам...

Пока эти голоса не были решающими. Пока.

Но тенденцию Славик уловил правильно.

Ваня начинал побаиваться собственного детища. Мельничук ткнул в созревший нарыв. Если кто-то из членов клуба действительно занялся охотой в одиночку...

Ваня ничего пока не решил. Он вообще ничего не решал впопыхах, на эмоциях. Кроме редчайших случаев, когда не мог потом вспомнить – как решал и что делал. Тогда решения бывали мгновенные, а действия... Может, потому никто в “Хантере” ему и не перечил. Пока.

Уйти? Просто уйти, предоставив своему созданию расти и развиваться?

В общем, вариант. Далеко клуб не разовьется – без Ваниной финансовой подпитки. Члены подбирались совсем не по принципу материальной обеспеченности... Для “Хантера” настанут тяжелые времена – если он уйдет.

Членство в клубе было пожизненным. Устав добровольного выхода не предусматривал.

Вопрос в том, как отнесутся другие к его уходу.

И что предпримут.

* * *

– Приехали! – радостно оповещает Славик.

Они выгружаются. Прохор идет ко второму джипу. Он любит покомандовать “мазилками”. И расставлять людей по секторам – его задача. Ошибиться тут нельзя, живо попадешь под пули своих.

В светлой июньской ночи объект хорошо виден. Не жилой, группа зданий производственного назначения. Жилья поблизости нет, можно бы работать и без глушителей. Но устав есть устав – раз проигнорируешь, и пошло-поехало...

– Что здесь? – спрашивает Ваня. Вполголоса, хотя до зданий далеко – дичь не вспугнуть. Ни крупную, ни мелкую.

Пока дружок разъясняет ему диспозицию, оба готовят оружие.

– Птицефабрика была, – Полухин радостно возбужден, голос подрагивает. – Стоптали ее ножки Буша. Большие устояли, а эта ёкнулась. Крыс – немеряно. Во-он видишь, из красного кирпича... да нет, левее... во-во, там подмокших комбикормов осталось невывезенных – крысам еще лет на сорок хватит... даже днем так и шныряют... А вон там – логово. Голов пять, не меньше...

– Сомнительно... От жилья далековато... Что им тут делать? Крыс жрать?

– Разведанные точные. Цветметаллы ковыряют. Что по верхам, давно собрано – так из земли кабеля тащат, из стен тоже... Ну и в деревне шуруют, три кэмэ всего... Кстати, весной там девчонка пропала, шестиклассница...

Плохо. Плохо дело, если Славик решил пришпорить его таким дешевым приемом. Неужели Ваня так расклеился и это так заметно? Или совпадение? Эта балаболка редко задумывается над словами...

А Славик говорит мечтательно:

– Пять голов...

Да уж. Пять правых ушей – норма мастера. Только где тебе, малахольному... Это не в “Квэйк” резаться.

Славик словно читает мысли:

– Прикроешь спину?

Ваня кивает. Не пускать же его одного в логово... Сам Ваня лишь так и ходил – в одиночку.

Подходит Прохор с “мазилками”, все готовы.

– Веди, Сусанин!

Славик, раздуваясь от гордости и важности, ведет.

Мысленно считает очки и уши.

Он не знает, что эта охота для него – последняя.

Глава 4.

– Хайле¹, Даниэль! – рука быстро чертит в воздухе непонятный знак – не то приветствие, не то никому не известный иероглиф. – Я ждала тебя, брат...

– Хайле, Адель! Я вернулся...

– Ты видел *это*?

– Адель... Ты же знаешь, кому дано видеть *это*... Но Гавриил видел. И держал в руках.

– И?

– Он умер...

– Сам?!

– Как же он мог еще умереть?... Он устал... И почти все забыл... Я хотел убедиться наверняка – и взглянул его глазами... Он вспомнил все – и умер. Сам... Я думаю, он давно хотел умереть, – но забыл и про это. Кстати, сестра... Тебя – он помнил. Смутно, но помнил.

– Хайле, Гавриил! – два голоса слились в прощальном приветствии.

Они помолчали.

– Что со Стражем, Адель?

– Страж встал на Путь. Как раз сегодня он встал на Путь.

– Встреть его, сестра... Встреть и проведи – проведи, если сможешь, с Любовью...

Это тяжелый Путь.

– Я не знаю Любви, Даниэль. Мне не дано Любви. Я послана не Любить...

– Тогда попробуй дать Любовь хотя бы ему... Бездна все-таки будет меньше – даже если тянуться через нее с одной стороны.

– Я попробую, брат...

– Что Мертвые?

– Мертвые готовы. Она мертва – и не знает этого. Он еще жив – и тоже не знает. Он умрет сегодня.

– А Царь?

– Царь еще не наречен... Завтра он пройдет Испытание – и станет Царем.

– Кто наречет его?

– Я! Адель, посланная, чтобы Победить!

– Знаешь, Адель... Ты удивишься... Царь... Мне его жалко...

Она удивилась.

У них были одинаковые глаза – поразительного, небывало-синего цвета.

А в остальном были они не похожи.

* * *

Пуля ударяет в хребет.

Тело дергается, скребет конечностями по земле. Телу хочется жить. Жить ему недолго, последние мгновения растягиваются в вечность. Вот и вся загробная жизнь...

Агония затягивается.

Ваня стреляет в голову.

Крыса мертва.

Ваня удивляется себе, своему инстинктивному выстрелу – слишком дороги ремингтоновские “0.22 магнум”, чтобы тратить их на добивание. На добивание крыс.

Тем более чужих крыс.

¹ Не надо ассоциировать приветствие “Хайле!” с поганым нацистским “Хайль!”

Но крыс мало, хреновый разведчик из Полухина. Крыс почти нет. И это странно. Неожиданно побывали дератизаторы? С какой радости? Кто станет оплачивать очистку от грызунов фабрики-призрака? Хвостатые дожрали комбикорм и дружной армией двинулись в поход? Говорят, такое бывает... Или что-то стряслось с генераторами? Со всеми сразу? Невероятно...

Газовых гранат они больше не используют. Вместо них – привезенные Ваней из Англии генераторы. Гораздо удобнее. Крыс выгоняет ультразвук. Слабый, на человека не действует. И это хорошо – крупная дичь не вовремя не ползет. Пульки крохотные, работать надо филигранно – а то подранок уйдет далеко. Или вообще уйдет. Такой риск не нужен. Лучше брать тепленьких, на лежке.

В логове.

Подтягиваются остальные – злые, разочарованные. С такой охотой до гроссмейстера, как до Китая на карачках. Прохор набрасывается на Славика:

– Ты куда нас привел, пидор гнойный?! Что за херня?! Да я дома, в своем подвале больше настреляю – через день после потравы! Эльдorado он нашел, мудила грешная...

Заводит сам себя, напирает на сжавшегося Славку. Кажется, готов схватить за грудки, ударить...

Ваня придвигается. Ни к чему такие эмоции, совсем ни к чему.

Когда в руках оружие.

– Значит, так, – рубит Прохор. – В логово вместо этого педрилы иду я.

Ваня шагает вперед. Бросает коротко:

– Окстись!

Педагоги трудились не зря, но северные словечки в его оксфордской речи изредка проскакивают. В такие моменты.

Меряются взглядами. Остальные отступили – не дыша.

Прохор отворачивается. Отходит, кроя по матери все и всех – от майора Мельничука до отдаленных потомков Полухина. С остервенением бьет ногой по добытой Ваней крысе – крысиный труп улетает. Вместе с хвостом. Матерный ураган подходит к двенадцати баллам Бофорта.

Но о Ване и его матери – ни слова.

Ваня молчит.

Прохор его тревожит, и началось это давно. Ваня все сильнее подозревает, что Прохор никогда не относился к очистке как к работе – тяжелой, поганой, но необходимой. Просто Прохору это нравится.

Нравится убивать.

* * *

Фонари укреплены над стволами – вместо снятой оптики. Но выключены. Рано. Фонари потом – ослепить, парализовать дичь.

Славик и Ваня идут в темноте. Бесшумно. В инфрасвете кирпичный лабиринт кажется еще гнуснее. Ваня недоумевает – почему логово в подвале? Ведь свободна вся фабрика... Лето, тепло... Закрепившаяся до стойкого рефлекса тяга к подвалам? Хм... Что-то многовато странного на сегодняшней охоте. С самой встречи с Мельничуком... Или Полухин и тут напортачил? Логово не здесь?

Ваня недоуменно думает, чего ему хочется больше: чтобы Славик не ошибся или наоборот...

Азарта нет. Боевой злости нет. “Везерби” в левой руке кажется тяжелее.

С тревогой отмечает, что опять задумался об уходе из “Хантера”. Отставить! Не расслабляться! Не время! Дичь опасная, с такими мыслями недолго словить перо... Или кирпич в затылок... Тем более – пять голов...

Непрошенные мысли все равно лезут в голову.

Ничего придумать он не успевает, Славик дважды легонько толкает в плечо. Бесшумные сигналы давно разработаны:

Здесь!

Логово!

Дверь. Мертво вросшая в земляной пол, но полуоткрытая – пролезть можно. За дверью – тишина и темнота. Что, впрочем, ничего не значит. Они снимают приборы ночного видения, аккуратно убирают в под сумки – в ближайшее время не потребуются. Свет белой ночи откуда-то сочится, они ждут, пока глаза привыкнут. Пора. Славик готовится к броску, поворачивается к Ване. Их поднятые ладони легонько соприкасаются – ритуал, “ни пуха, ни пера” в бесшумном варианте.

Ладонь Славы подрагивает и влажна от пота.

В первый раз всегда так.

Ваня отступает от двери – метра на два.

Славик включает фонарь.

Пошел!

С воплем спятившего каратиста Славик врывается в логово.

И тут же вопль гаснет, вместо него – глухие хлопки выстрелов.

Один, другой, третий – подряд, панически, целиться при такой стрельбе некогда. Рваные хлопья света мечутся за дверью. Ваня напрягается, вскидывает карабин к левому плечу. Внутри – нельзя, у Славы все пули шальные. Но из двери дичь не выйдет. Живой – не выйдет.

Стрельба кончается вместе с обоймой.

Секундная пауза.

И – крик. Высокий, громкий...

Славкин.

* * *

Ваня ныряет в логово – готовый убивать.

Луч фонаря пляшет по стенам.

В логове пусто.

Только Славка. Отчаянно визжит. В визге – вселенская тоска и разочарование.

Это действительно логово, Полухин не ошибся. Но пустое. Грязное тряпье собрано в некие подобия постелей. Скучные подобия мебели – явно с помоек. И жили здесь – подобия людей. Человекокрысы. Но сейчас нет никого.

С кем же ты воевал, хочет спросить Ваня, но молчит. И так ясно – палил во все стороны с закрытыми глазами. Ваня молчит.

Зато орет Полухин:

– Суки-и-и! Бляди-и-и!! Смылись!!! Услышали, как мы блядских крыс – и смылись! Где-то здесь они... Ничего...

Пикает новую обойму. Та не лезет, перекашивается. Наконец с лязгом становится на место. Славка выскакивает за дверь – искать сбежавшие уши. Его крики мечутся там, в кирпичном лабиринте.

Ваня остается. Хочет кое-что проверить.

Подходит к крысиному ложу, с отвращением щупает грязные тряпки. Второе... Третье... Последнее...

Все ясно. Хочется вымыть руки. Полухин опять ошибся. Тепла крысиных тел тряпки не хранят. Дичь ушла давно... В углу блеснуло. Подошел – бутылка “Льдинки”. Вот это уже интересно... И совсем непонятно. Если только... Он скovyривает пробку и принохивается – в ноздри бьет аромат сивухи. Да-а... Многое Ваня видел в жизни. Но чтобы дичь свалила с логова, бросив спиртягу... Под ядерной бомбежкой вынесут.

Загадка природы. Еще одна. Но одно понятно – ничего там Славка не найдет.

Ваня ошибся.

Кое-что Полухин нашел.

Или кое-что нашло его.

С какой стороны смотреть...

Глава 5.

Славка вернулся в логово странно молчащим. Винтовка в левой руке, в правой – нож. Нож-ухорез. Короткое кривое лезвие с заточенной вогнутой стороной.

Ваня не понял: неужели нашел? Станные дела...

– Пойдем, – сказал Славка, не объясняя – куда и зачем.

А Ване вдруг никуда не захотелось идти. Точнее захотелось – но не с Полухиным и не в темный лабиринт, ему захотелось наверх, на свежий воздух, и шарнуть вдребезги карабином о первый камень, и идти налегке, долго-долго идти, и чтоб вокруг была трава, и не было темных подвалов, и темных подъездов, и темных лабиринтов, и темных колодцев, и темных людей. Чтоб было светло.

– Пойдем, – сказал Ваня, не спрашивая – куда и зачем.

И шагнул в темноту, мимо навеки вросшей в землю двери.

Ваня Сорин шагнул – и встал на Путь.

Сам не зная этого.

Путь вел наверх. Туда, где светло.

Но и этого он не знал.

Путь был страшный, и многотой крови суждено было пролиться на нем – об этом Ваня догадывался.

А еще на пути его ждала Любовь.

* * *

– Ну ты нашел так нашел.

Других слов не было.

Девушка лежала на спине. Прямо на сырой земле. И, казалось, спала. Впрочем, не только казалось, поглядев внимательно, можно было заметить легкое дыхание – грудь легко, едва заметно поднималась-опускалась. Весьма красивая, кстати, грудь. Лежа на спине – отнюдь не самая выгодная поза для демонстрации бюста. Девушку это не портило. Как и отсутствие бюстгальтера под тончайшим платьицем. Черным платьицем.

М-да... Находочка. Спящая царевна. Пардон, а где хрустальный гроб? Где работы-гномы? И, самое главное, кто тут королевич – Ваня или Полухин? Кому ее целовать-то?

Длинные черные волосы разметались по черной земле – и были гораздо чернее. Наряд прост и скромн – ничего, кроме короткого, до середины бедра, платья. И на ногах – ничего. Ни обуви, ни чулок-колготок... А ноги... Не часто Ваня встречал такие ноги. Особенно в темных подвалах заброшенных птицефабрик.

Он склонился. Взял ее за руку. Легонько потряс. Коснулся лба.

Девушка не реагировала.

А целовать принцессу отчего-то не хотелось...

– Это не божиха, – констатировал Ваня и так очевидное.

Полухин с очевидным готов был поспорить. Что и сделал.

Кто живет в скворечниках? Скворцы. А в крольчатниках? Кролики. В петушатниках? Петухи, ясное дело...

Тогда вопрос: кто это у нас тут в божатнике отдохнуть прилег, э?

Неисповедимые пути полухинской бессмертной души читались легко, как азбука для первого класса.

Рыскал по подвалу, пытаясь отыскать улизувшие уши. Взбешенный сорвавшимся очком. Увидел, ошалел – и схватился за нож-ухорез. Но по хилости своей натуры заколе-

бался. И пошел за Ваней – поделиться ответственностью. Поделился. Спасибо, Славик, век тебе не забуду...

Самое поганое, что с формальной стороны придурок прав на все сто. Бомж – это ведь аббревиатура... А имеющие определенное место жительства девушки спят обычно на белых простынях. Некоторые эстетки – на цветных, более эротичных. Но никак не на сырой подвальной земле...

И жизнь ее принадлежит Полухину – это так. Так записано в документе, скрепленном их кровью.

Секунды капали.

Надо было решать.

Решать быстро такие проблемы Ваня не мог. Не умел...

Полухин нервно улыбнулся и перехватил поудобнее ухорез.

Решение сверкнуло мгновенно.

Кровь – это серьезно. И своя, и чужая.

Подписанные ей бумаги – тоже.

Пусть делает, что хочет.

Но тогда в подвале появится крыса.

Большая.

С мелкокалиберной винтовкой в руке.

Появится – и долго не проживет.

– Делай, что хочешь... – сказал Ваня.

Ваня не стал перехватывать карабин поудобнее, манипулировать с затвором и предохранителем. К чему давить на человека, пока он еще человек?

Ждал и смотрел.

– Это же наркоманка обширявшаяся... Я уж будил, будил... – сказал Полухин жалобно. – Через несколько лет будет старухой, седой, грязной, вонючей, ты сам...

– Делай, что хочешь, – сказал Ваня. – Только подумай хорошенько, чего же ты на самом деле хочешь.

Полухин завыл и швырнул ухорез в угол.

– Пойдем, Слава? – мягко сказал Ваня.

– Ну нет... – голос Полухина звучал почти как у мужчины. – Я не Санта-Клаус, и жизнь ей не подарил. Она ее у меня выкупит...

И резко, как клинок из ножен, выдернул из нагрудного кармана что-то маленькое. Ваня взгляделся – презервативы...

Ну, комик... Да зачем они ему? И здесь, и вообще? Полухин женщин боится и ничего у него с ними не получается... Даже блядешек боится – из-за СПИДа, клофелина и сутенеров с большими кулаками... Единственный для него выход, дабы спастись от прелестей мастурбации, – жениться на волевой женщине себя старше и зажить моногамной жизнью... Идеальный выход. Если, конечно, не считать крепко спящих по подвалам принцесс-наркоманок... Ладно, хрен с ней, не смозолится красотка, и так из-за нее чуть...

Он шел к выходу. Без фонаря и «ночного глаза». В темноте, по сочащимся откуда-то лучикам ночного полусвета. Ремень “Везерби” был небрежно зажат в левой руке. Карабин болтался, цепляя о кирпич стен. На темном орехе приклада и ложки оставались царапины.

Сезон охоты заканчивался.

* * *

– Эй, Полухин, где твои уши? – придурочно завопил Прохор, попытавшись хлопнуть по плечу. Узнал Ваню, сдержал замах:

– Виноват, обознался... За нашего Соколиного Глаза принял.
Прохор лгал.
Совершенно точно лгал.
Он не принимал его за Славку.
И крик, и замах предназначались Ване. А еще – тем, кто на это смотрит.
Вот так.
Ваня понял все и не понял ничего.
Как он почувствовал?
Нет, не почувствовал – узнал абсолютно точно. Как пишут в романах, понял с кри-
стальной ясностью.
Как?
В сумраке ни глаз, ни вазомоторики не разглядеть. Тон и голос обычно-дебильные.
Загадка. Ладно, проехали...
На самом деле – не проехали. Никак не проехали. Только еще подъезжали.
– Ну где он шляется? Валить пора отсюда... – а сейчас Прохор искренен. Интересно...
– Подождем минут десять, дело у него там...
– Обгадился? – деловито предположил Прохор. Дружное ржание. – Так это надолго...
– Десять минут. – отрезал Ваня.
Куда уж ему больше... Изнуренный воздержанием полухинский организм на долгие
тантрические игры не способен.
Но все происходит быстрее.
Вопль.
Из подвала.
Полухин. Ну что там с ним опять? Наступил на грабли? Забыл дома виагру?
Славка вылетает, не прекращая воплей.
Окровавленный.
– Она меня укусила, она меня укусила, она меня укусила, она меня... – Однообразие
с лихвой окупается громкостью.
Молодец, боевая девчонка, неожиданно думает Ваня и командует:
– Аптечку! Быстро!
Дезинфицируя два следа зубов, отпечатавшихся где-то между горлом и подбородком,
Ваня не вспомнил майора Мельничука.
И его рассказ о странной двузубой вилке.
Столько всего прошло после встречи на дороге...
Он вспомнит скоро, через два дня.
Но сначала Наташка Булатова окончательно убедится, что сошла с ума.

Глава 6.

День для Тарантино начался отвратительно.

Гнусный будильник омерзительно зазвонил в семь утра. Тарантино, толком не проснувшись, махнул рукой по прикроватной тумбочке – проклятый агрегат не замолк и не свалился на пол; пришлось открыть глаза и вспомнить, что сам вчера поставил будильник на подоконник – чтобы не дотянуться, не выключить, не уснуть снова...

Ох, какая это гадость – вставать на рассвете, особенно человеку богемы...

На самом деле рассвело пару часов назад, в совсем уж непредставимую для него рань.

На сегодня было запланировано важное дело, от которого напрямую зависело будущее Тарантино – и он встал, и подошел к окну. Отвратительное солнце золотило крыши безобразных серых домов, в которых наверняка обитали сплошь никчемные, сволочные и равнодушные к искусству двуногие существа... Тарантино сплюнул в горшок с засохшим цветком и отправился в душ. Контрастный душ и тройной черный кофе были ему совершенно необходимы...

Вышел из ванной походкой слегка ожившего зомби, небрежно застелил смятую кровать. Ночь Тарантино провел один, как и всегда – он не любил женщин. Да и мужчин. Защитники и любители животных, впрочем, тоже могли спать спокойно – их четвероногим, пернатым и водоплавающим любимцам со стороны Тарантино ничего не угрожало.

Он давно влюбился в свою работу.

Обычно такие слова воспринимаются как метафора.

С Тарантино это случилось буквально.

И любовь была не платонической.

Если бы знала, о, если бы знала бойкая рыжая девчонка-продавщица из аптеки в угловом доме, как Тарантино использует те несколько пачек презервативов, что она продает ему перед каждой поездкой на съемки...

Рыжая тогда не подмигивала бы так лукаво и понимающе...

...руки ласкают камеру, видеоискатель затягивает и манит, как манит других мужчин женское тело, он входит в нее... нет, не в нее – в то, что видит через объектив, камера снимает, дыхание все чаще, из губ рвутся стоны, стоны сливаются в крик, все вспыхивает и расцветивается, он взлетает на самый верх и бессильно падает вниз и...

И Тарантино ослабшей рукой снимает использованный презерватив.

И надевает новый – в преддверии очередного эпизода.

Без этих латексных штучек – штанов не настираешься...

Неудивительно, что актеры у него так рано погибали. Тарантино не мог вовремя крикнуть “СТОП!” своему бессменному ассистенту (и исполнителю главной роли в сериале), немому дебилу по прозвищу Коряга.

* * *

Южная окраина.

Кирпичная девятиэтажка.

Из крайнего подъезда вышел человек, казавшийся на вид лет тридцати – тридцати пяти.

Он придержал тяжелую металлическую дверь подъезда, снабженную кодовым замком и могучей пружинной; на улицу уверенными шагами прошагал светловолосый карапуз.

Мальчик шел с деловым видом, относясь весьма серьезно к предстоящему делу – утренней прогулке с папой.

* * *

Чуть раньше.

Тарантино, матерясь в душе, сбрил обычной бритвой любовно поддерживаемую на заданном уровне растительность. Искусство требует жертв. Никаких способных зацепить глаз примет у Тарантино сегодня быть не должно.

* * *

Папа отпустил дверь (она встала на место со свистящим шорохом, завершившимся зловеще-тюремным лязгом замка) и медленными шагами догнал отпрыска. А тот, обернувшись и подняв голову, махал маме, смутно видневшейся сквозь от века не мытое стекло лестничной клетки. Махал долго, словно расставался навсегда, а не отправлялся на часовую прогулку.

Папа стоял в стороне, метрах в трех, курил равнодушно; потом посмотрел на часы – четверть двенадцатого; взял закончившего прощание сына за руку и они пошли рядом по тянущейся между домами пешеходной дорожке. Малыш шагал, весело подпрыгивая, с красной пластмассовой летающей тарелкой под мышкой, спрашивал отца о том и об этом; папа отвечал на все вопросы коротко и серо-стальные глаза его оставались усталыми, очень сонными.

* * *

Чуть раньше.

Оделся Тарантино отвратительно – по его меркам. Где любимая куртка-косуха? Где шейный платок непредставимо-шикарной расцветки? Где, наконец, стильные темные очки с линзами размером в копейку?

Из зеркала смотрел обыденно-гнусный и явно равнодушный к искусству человек. Но не цепляющий глаз.

Незапоминающийся.

* * *

Вокруг зеленело и цвело лето – середина июня, свежие листья не успели покрыться серой городской пылью, а спальный район на южной окраине города был богат зеленью: липами и березами, тополями, летящий пух которых порой превращался в настоящий летний снегопад. И кустарниками. Особенно кустарниками. Между кронами перепархивали какие-то мелкие птахи, не то синицы, не то малиновки, шныряли в ветвях, выискивали насекомых...

Папа с сонными глазами не замечал ничего, скользил по окружающему равнодушным взглядом и механически переставлял ноги...

* * *

Чуть раньше.

Тарантино выехал из гаража. Жигули "четверка" самого незапоминающегося вида и цвета. Номера, само собой, не фальшивые. Просто владельца давно нет, выписанная у несущего

ществующего нотариуса доверенность нигде не засвечена... Если что, Тарантино с легкой душой бросит лайбу...

На гонорар он купит таких десять.

На гонорар за фильм, в котором не хватает актера...

* * *

Город стоял на болоте.

Но этот район – особенно. Когда-то сюда, на окружавшие деревушку Купчино болота, ездили стрелять уток. Относительно недавно, еще после войны... После Великой Войны.

Город рос исполинской, дающей метастазы опухолью – и подмял, и поглотил болота. Ревели грузовики, вываливая кучи всякой дряни – дрянь тонула в бездонной прорве – сверху сыпали новую – тонула и она. Что-то должно было кончиться раньше... Кончились болота – дерьма в Петровом граде хватало. Поверху размазали хороший грунт, – и потянулись вверх, и вытянулись кирпичные и блочные коробки.

Вселяйтесь.

Живите.

Но у болот был бойцовский характер.

Сквозь все и несмотря на все они рвались наверх. И – незастроенные промежутки домов, запланированные как скверики с ровно-подстриженной травкой, – исподволь, незаметно обретали болотный вид. Вода пока не хлюпала, но – сначала пролезла и задавила все жесткая болотная трава. Потом – тростник, сперва редкий, – все гуще и гуще. Наконец – кусты, невысокие, но густые болотные кусты.

Все возвращалось на круги своя.

Можно было охотиться.

Как раз к такому пустырю-болоту и примыкал безлюдный школьный стадион, где перебрасывались летающей тарелкой папа с сыном. Примыкал вплотную – кончалось футбольное поле – начинались кусты.

Папа кидал тарелку с лентой.

С неохотой.

* * *

Позицию Тарантино занял удобную. Срезал две мешающих ветви – и видел все. А его не видели. Мужик с сонным видом и мальчик – уж точно.

Мальчик, кстати, вроде подходит... Перекрасить в брюнета и...

Но папа прилип к нему прочно... Проклятие... Это может стать третьим за сегодня местом, где ничего не обломится... Загодя и заботливо присмотренным местом. Больше просчитанных точек у него не было.

Да уйдите же, козлы, и пусть придет другой мальчишка, которого никто до вечера не хватится... Бля, свечку поставлю, если здесь выгорит...

Неизвестно, кому сулил Тарантино свечку, он и сам не знал точно, в церкви не бывал сроду...

Но кто-то его услышал...

* * *

Папе было тошно.

Папа был не жив и не мертв. Глаза его спали. Надо было что-то делать. После десяти минут изматывающей игры он принял волевое решение. Сказал несколько слов сыну и отправился куда-то целеустремленным шагом. Но медленным. Бывает и так...

Целью похода папы был неприметный, притаившийся во дворах ларек. До ларька метров пятьсот. Немного. Хотя как считать... В миллиметрах это круглая цифра в полмиллиона...

Миллиметры давались папе с трудом...

* * *

Когда папа уплыл из вида, Тарантино решил рискнуть. Он ненавидел рисковать, но выхода не было.

Человек, финансировавший его искусство, не любил громких фраз и угрожающих жестов... Но его мирный вопрос: “А когда ты, дорогой друг, получил аванс?” – значил одно – в следующий раз Тарантино будет отвечать на него с больничной койки. А Тарантино боялся боли.

Как ни странно, боли он очень боялся.

Своей.

И он рискнул.

Глава 7

Этим утром в жизни Вани Сорина произошло знаменательное событие, можно даже сказать – небывалое. Он обнаружил, что стал экстрасенсом.

Не больше и не меньше.

Нет, конечно, Ваня умом понимал, что раз экстрасенсы на свете есть – кто-то, где-то и как-то ими становится. Всё так.

Но как-то все неожиданно вышло. Невпопад. Не вовремя. Над этим обретенным даром надо было крепко подумать... Но Ваня собирался задуматься о другом.

И принять решение.

Ваня, по большому счету, не был тугодумом. Просто не любил рубить сплеча. Постоянно выходило, что цена его решений высока. Он бы и не хотел – да так получалось.

Но запланированная разборка с самим собой не состоялась. Дар ошаршил внезапно, как кирпич – забывшего надеть каску строителя...

Нет, на самом деле все началось еще вчера... Точнее сегодня... Еще точнее – ночью, после полуночи. Совсем уж точно: в 02.37. Секунды нужны? Засекать время всех сколько-то значимых событий стало у Вани инстинктивной привычкой... Правда, тогда на часы Ваня взглянул по другому поводу – дара он не заметил. Или заметил, но не придал никакого значения...

Осознал Ваня все утром. Вскоре после звонка в дверь.

Совершенно неожиданного звонка.

* * *

У ларька кучковались два мужичка грустно-ханыжного вида.

Вот только не спрашивайте, как можно кучковаться вдвоем и не намекайте, что кучка из двух индивидов получается какая-то неполноценная. Ханыги не стояли, не сидели, не лежали, не шли и не выполняли упражнение “упал-отжался”. Именно кучковались.

Папа с сонными глазами купил бутылку пива.

Подумал – и купил вторую. Другого сорта.

Третье раздумье длилось дольше.

Чувствовалось, что папа с сонными глазами пребывает в жизненном поиске...

Минута прошла – папа ни на что не решился...

На деле счет шел на секунды...

* * *

– Я боюсь, Даниэль... Он пал так глубоко, что ничего не услышит. Не пробудится... Не выйдет наружу...

– Боишься?! Ты?!

– Хорошо. Я тревожусь...

– Ничего страшного не случится. Мы начнем все сначала...

– Год подготовки пропадет... А Стражей осталось так мало...

– Что такое год?

– Год – вечность, когда ждешь Его... Если бы ты знал...

– Я знаю. Я помню все. Спящий проснется. Мы победим.

Адель хотелось в это верить...

И она верила...
Адель хотелось надеяться...
И она надеялась...
Адель – блондинка с синими глазами.

* * *

После ухода папы мальчик не скучал.
Весело и высоко подкидывал красную тарелку и бежал, быстро-быстро перебирая ножками – чтобы успеть к месту падения...
Шустрый пацан, подумал Тарантино, крепенький...
Тарелка упала у самого края поля.
Мальчик бежал за ней.

* * *

Папа, наконец, решился – купил третью бутылку.
Ханыги следили за ним без признака интереса. Продавщица отсчитывала сдачу со скоростью утонувшего в смоле вентилятора. Папа внимательно и придирчиво осмотрел последнюю покупку. С нее и начал.
Легкое движение большого пальца – и пробки на бутылке не стало. Она не упала на землю, не улетела вверх или вбок. Ее просто не стало. Папа раскрутил бутылку и поднес к губам. Пиво не булькало, не лилось струей. Пенная поверхность в бутылке рванула вниз со скоростью падающего предмета. Даже быстрее... Пусто.
Ханыги выдохнули в восхищении.
Работал специалист высокого класса.
Предстоял бесплатный цирк.
Глаза папы так и не проснулись.

* * *

Автомобиль сверкал и переливался на солнце. Он был прекрасен и загадочен, и выехал из таинственного места – из высоченных зеленых джунглей, скрывающих неизвестно какие другие загадки. Антенна над крышей дрожала муравьиным усиком. Рядом с ней вспыхивала и гасла самая настоящая полицейская мигалка...
Мальчик сделал шаг к нежданно явившемуся чуду.
Тарантино коснулся пульта.
Чудо развернулось и покатило обратно в свою чудесную страну.
Забыв про тарелку, мальчик поспешил за ним.
В неведомые зеленые джунгли.
Он не знал, что в джунглях встречаются хищники.

* * *

Папа вскрыл вторую бутылку. Тем же способом.

* * *

Слава проснулся резко, как от выстрела над ухом. Выстрела без глушителя. И сразу понял – его зовут. Кто и зачем – он не знал. Но надо было спешить. Надо было очень спешить.

По лестнице он бежал.

И застегивал на бегу пуговицы.

* * *

Мальчик приятно удивил Тарантино. Деловой пацан и не пугливый. Даже не дернулся от возникшего перед ним неизвестного дядьки. Очень хорошо. Возможно, хлороформ и не понадобится. Пока не понадобится. От кустов до машины пять метров и две секунды, но лучше преодолеть их без обмякшего тельца на руках.

– Зачем тебе такая игрушка, дяденька? – заговорил мальчик первым. – Ведь ты уже большой...

Мальчик строил фразы слишком правильно для четырех лет, на которые он выглядел. Но Тарантино не обратил внимания, ликуя от неожиданного подарка. Вопрос был идеальной подачей.

– Да вроде и не к чему... – сказал он, словно сам удивляясь. – Хотел подарить кому-нибудь, да вот решил поиграть напоследок...

Мальчик не клюнул. Поразительно, но он не клюнул. Искоса смотрел на игрушечный джип. И качал головой, словно не поверил.

Ни одному слову не поверил.

Времени не было. Тарантино пошел ва-банк:

– Хочешь, подарю тебе? У меня в машине коробка и пульт управления. Пошли со мной, там все тебе и отдам.

Пульт лежал в кармане, но пацан не должен был заметить эту шероховатость. Ни один из предыдущих не заметил...

– Врешь ты все, дяденька... – сказал мальчик. – И никакой коробки у тебя там нет...

Хлороформ потребуется... И немедленно... Если только... Он схватил мальчика за руку и сказал с грозной ноткой в голосе:

– Пошли, пошли... Там все и увидишь.

Когда взрослые говорят так, лучше их слушаться... Но мальчик странный... Если начнет кричать... Неважно, пропитанная хлороформом тряпка наготове. Не раскричится... Пискнет и замолкнет. Тарантино двинул через кусты, почти таща мальчика.

Не закричал.

Произнес лишь чуть громче, чем раньше:

– Мне больно! – и, после секундной паузы: – Я папе скажу...

Внутри все пело. Скажи, скажи... Дойдем до машины – и говори папе, маме, бабушке... Не услышат.

– Папа, мне больно, – сказал мальчик, быстрее переставляя ноги – чтобы не упасть.

Не орет, надо же, подумал Тарантино.

Ты еще эти слова проорешь и простонешь.

Пока будет чем стонать.

* * *

Папа услышал.

Ханыги не обменивались мнениями, даже не переглядывались.

Просто синхронно, не сговариваясь, решили завязать с употреблением дешевых крепких напитков. Этот фокусник, этот любитель пива, продемонстрировал коронный трюк, заставивший серьезно задуматься о влиянии суррогатного алкоголя на сетчатку глаза.

Что там пиво...

Что там пробка...

На этот раз исчез папа.

Был – и нет его.

Когда его звали, папа умел двигаться быстро.

Очень быстро.

* * *

Тарантино не понял.

С ним ничего не случилось. Он продолжал быстро идти к машине, крепко сжимая ручонку пацана. Что-то произошло с окружающими кустами. С тростником. С тропинкой. Они все застыли – не плыли мимо, не реагировали на торопливые движения ног Тарантино...

На самом деле, конечно, замер он – как на застрявшей в проекторе пленке...

Шагов сзади он не услышал. Просто перед ним возник папа. Не было его – и возник.

От неожиданности Тарантино заорал и напролом рванулся в кусты. Крик умер внутри. Листья и ветви не захлестали по лицу. Застрявшая пленка не двинулась. Он стоял, как стоял.

Папа освободил ручку малыша из оцепеневшего захвата. Кажется, два пальца при этом сломались. Два пальца Тарантино – но боли он не почувствовал. Папа же не обратил внимания. Движения его были быстры и точны – и все равно оставались движениями спящего человека. Сомнамбулы. Лунатика. Хотя светило яркое полуденное солнце.

Тарантино казался статуей шагающего человека. Папа провел мальчика за его спину. Слова звучали приказом:

– Иди домой. Не задерживайся и не сворачивай. До звонка дотянешься. Скажешь маме – я скоро приду.

Способность слышать Тарантино не покинула. Думать – тоже. Он не уходит. Он не уходит!!! Он...

Мальчик не спешил выполнить приказ.

– Плохой дяденька обещал подарить мне машинку! – неприязненный взгляд на Тарантино. Фраза опять звучала по-взрослому.

Джип валялся поодаль, неизбежный производственный расход, руки занимать чреватое...

– Домой.

Мальчик поднял, прижал к груди игрушку.

И ушел не оглядываясь.

* * *

Тарантино не видел, что происходит за спиной. Но понял – мальчик ушел. И понял еще – все кончено.

Тарантино боялся боли. Но он не думал о том, что сейчас его поволокут и отдадут грубым людям в серой форме, и ему будет больно, а кто-то, давно и тщетно пытающийся вычислить автора кровавых подпольных фильмов, обрадуется, и всплывет тщательно замаскированная студия с аксессуарами и дебилом-садистом Корягой, и Тарантино швырнут в камеру, где будет еще больнее, потому что соседям все расскажут, так всегда делают, и будет совсем больно, всю оставшуюся жизнь будет очень больно, пока все не кончится, и он будет молить, чтобы все кончилось скорей, молить, сам не зная, кого молит...

Тарантино боялся боли.

Но ничего такого он не думал.

Просто отчего-то знал – конец. End. Fine.

Дальше ничего не будет.

Кончится все здесь.

И сейчас.

* * *

Именно в эту секунду Наташка Булатова поняла так, что никаких успокаивающих сомнений не осталось, поняла с ясностью и отчетливостью хорошего снимка: она сошла с ума.

Поняла она это, именно рассматривая хороший и четкий снимок.

Рентгеновский.

Глава 8.

Ваня стал экстрасенсом.

Звучит смешно, но было ему не до шуток. Только этого сейчас и не хватало для полной жизненной гармонии...

В коммерческом отношении дар был бесполезным: Ваня не чувствовал себя способным снимать сглаз и порчу, давать установки на бизнес– и секс-успехи, чистить карму с аурой и привораживать по фотографиям, волосам, ногтям, крови и сперме...

Даже способным банально раскинуть карты Таро – не чувствовал. Никогда не брал их в руки...

Дар состоял в...

Впрочем, по порядку.

Звонок в дверь раздался субботним утром, не слишком рано и не слишком поздно, в 10.31 – на часы Ваня глянул. Он открыл, слегка удивленный.

Сегодня он не ждал никого.

Парень. Молодой, помладше Вани. Домашняя футболка, вытянутые на коленях треники испачканы известковой пылью. Шлепанцы. Вид замотанный и слегка смущенный.

Жизненная история паренька была незамысловата: переехал в их подъезд вчера вечером, квартира – как после самума, осложненного полтергейстом, вещи навалены от стены до стены и от пола до потолка, он пытается разобраться, начал с книг и полок, их больше всего, осталась библиотека от дедушки, надоела, продавать жалко, читать некогда... короче: не будет ли новообретенный сосед так любезен одолжить ему на час-другой дрель со сверлами, у него вообще-то есть, да поди раскопай сейчас... Типичная история, отчего бы и не помочь соседу...

Парень лгал.

Нагло и убедительно лгал.

Во всем.

Не было у него покойного дедушки-библиофила, и квартира не была завалена полками, и стены он сверлить не собирался... И в этот дом не переезжал. Ни вчера, ни когда-то.

Вот так.

Ваня понятия не имел, как и откуда он это знал. Но знал точно. Не догадывался – знал. Чувствовал ложь, как чувствуют цвет, звук, вкус... Шестое чувство во всей своей красе.

Дар был однобоким – знания истины он не давал. Ваня не представлял, зачем парень врет и зачем ему эта дрель...

Помочь могла банальная логика. Едва ли это подстерегающий жертвы по подъездам маньяк, позабывший дома излюбленное орудие... Надо думать, все проще: лже-сосед навсегда испарится, а дрель осядет без особого риска в комке – никто землю рыть не станет, менты спустят на тормозах... Просто и изящно, в духе О. Бендера. И прибыльно: сколько за день можно отбомбить подъездов? А дрель, она подороже отвертки будет...

Мысли эти мелькнули быстро – просительная улыбка парня не успела погаснуть.

Открытие нуждалось в проверке. Психика у Вани здоровая, но все когда-то начинается, мог и не заметить, как съехал с катушек – не заметить за ночными рейдами по подвалам... Если так – зачем обижать человека...

– Одну минуточку, – сказал Ваня дружелюбно.

Дрель была под рукой. Он все и всегда держал так – под рукой. Но Ваня не протянул просимый инструмент парню через порог – вышел на площадку.

– Пойдем. Помогу, – сказал он просто. – Чего одному корячиться...

Посмотрел парню в глаза и улыбнулся.

Неизвестно, что разглядел тот в Ваниных глазах и улыбке. Наверное, ничего хорошего. А может, сыграли нервы.

Парень рванул с высокого старта и понесся по лестнице. Босиком. Очень быстро. Шлеп-шлеп-шлеп босых пяток слились в бурные, продолжительные аплодисменты, перешедшие в овацию. Овация завершилась хлопком двери подъезда. На память о горе-аферисте на площадке остались шлепанцы.

В погоню Ваня не пустился.

Надо было сесть и хорошо подумать.

О многом.

* * *

Папа смотрел на Тарантино с вялым и сонным интересом – так недавно он изучал пивные бутылки.

Короткие мысли Тарантино шныряли испуганными крысятами, и были похожи, как крысята одного выводка, – в основе всех лежал страх. Затем крысята нашли щелку – все мысли исчезли и осталось только ощущение. Одно, но страшное – будто голову его трепанировали дисковидной насадкой аппарата для обработки костей (название медицинское и сложное, но именно так – Тарантино в деталях был знаком с такими штучками, хотя никого никогда не лечил). Протрепанировали – и отложили крышку черепа в сторону, как с кастрюльки с доспевшим блюдом.

А потом мозг стали терзать безжалостно-острые инструменты, их названия и функции Тарантино тоже знал хорошо...

Но это, конечно, лишь казалось – папа стоял, где стоял – в нескольких шагах от него.

Было больно.

Говорят, мозг лишен нервных окончаний, ничего не чувствует – Тарантино сомневался. Его актеры вполне натурально корчились в подобных эпизодах. Теперь он убедился.

Было больно.

Было невыносимо больно.

Он бы орал, заходясь диким криком, в самом прямом смысле разрывая связки себе и барабанные перепонки другим – если б смог.

Он извивался бы с чудовищной, невозможной для человека силой, способной порвать наручники и сыромятные ремни – если б смог. Он бы смог, он сам видел такое – как крушат железо, ломая кость и разрывая собственное мясо – от страшной боли – смог бы и он...

Его пути оказались крепче.

Он остался скован и нем.

Он бы умер, как умирали многие – без смертельных ран, просто от боли... Или хотя бы отключился, потерял сознание – ему не дали и этого.

Потом все ушло.

Пришло другое.

Не к Тарантино. К папе.

В серо-стальных глазах появился неприятный красноватый оттенок – папа проснулся. Ничей разум не смог бы спать после короткой экскурсии по закоулкам памяти Тарантино. Ничей. Ни человеческий, ни...

Папа проснулся.

Долгий-долгий сон кончился.

Люди во сне дышат, сердце их бьется, некоторые разговаривают, иные даже ходят – не прерывая сна. Папа мог все это и еще очень многое. Сон был внешне похож на жизнь – но папа не делал в нем того, для чего был рожден... Или создан...

Его разбудили. Разбудили, чтобы отыскать и убить. Он не знал этого. Знал бы – не смутился. Он давно был не жив и не мертв. Он застрял на полпути...

Тарантино не видел ничего. Тарантино отдыхал от приступа дикой боли. Он понял все. Озарение было кратким и ясным. Все мудрецы, исписавшие сотни и тысячи томов в поисках формулы счастья – глупцы. Все: золото, красавицы, слава, власть – все тлен. Тлен даже искусство. Когда тебя понимают – это смешно и никому не нужно...

Счастье – это отсутствие боли.

Тарантино стал счастлив.

* * *

Когда она шла по улице, мужчины замирали. В самом прямом смысле слова. Ненадолго, но замирали. Так пять лет назад на утреннем берегу Кулома замер много пьющий браконьер Гаврилыч, забывший свое настоящее имя – Гавриил...

Мужчинам хотелось многого: купить на сжатые в кулаке мятые червонцы цветы, а не поллитру; или немедленно написать книгу, лучшую за все века книгу о любви; или отправиться добровольцем на очередную войну – сейчас и так: в сорок пять, с брюшком, одышкой и пятью диоптриями... Хотелось сделать что-то, чтобы стать достойным ее...

Будем реалистами – не только возвышенного хотелось мужчинам. У сопливых мальчишек случалась первая эрекция, у восьмидесятилетних дедушек – последняя, что уж говорить о промежуточных возрастах...

Но никто не спешил перейти от желаний к действиям. Никто не пытался узнать имя или взять телефон, никто не плелся сзади, тупо уставившись на ее ноги, голоса с южным акцентом не предлагали тут же зайти в ювелирный, дабы немедленно достойно украсить – вах! какие пальчики...

Синие глаза умели не только манить, но и отталкивать.

Женщины не смотрели с завистью. С гордостью – что и они – тоже. Что и их – кто-то видит такими. А если не видит – пусть слепцу будет хуже...

Она проходила и наваждение таяло. Но не совсем... Люди быстро забывали это видение – чтобы когда-то ночью проснуться с криком, поняв, что все у них не так, что все достигнутое ничего не значит и не стоит, но есть, есть, есть где-то далеко или рядом настоящее и прекрасное – упущенное или незамеченное... Люди просыпались с криком, на мгновение понимали все – и засыпали на мокрой от слез подушке.

Адель шла по улице.

Адель, девушка с золотыми волосами.

* * *

Папа рассуждал сам с собой.

Он был похож на проснувшегося в незнакомом месте человека, соображающего – где и зачем он оказался и что здесь предстоит сделать.

Только в отличие от проснувшихся людей папа прекрасно помнил все, что происходило с ним во сне...

Папа поклялся никогда не делать этого. Поклялся тому, кто смог его полюбить. Никогда не делать... с людьми. Но Тарантино ведь не человек? Не человек...

Тарантино молчал. Он был счастлив.

Когда папа подошел ближе, когда впервые коснулся Тарантино, когда заглянул ему в глаза и медленно, очень медленно приподнял свою верхнюю губу – Тарантино был безжалостно выдран из счастливой расслабленности.

Пришел страх.

Страх новой боли.

– Не бойся, – сказал папа. – Больно не будет.

Невидимые пути исчезли на короткое мгновение – достаточное, чтобы затекшие мышцы обмякли и Тарантино плавно упал на траву.

Папа не лгал.

Больно не было.

Тарантино умер счастливым.

* * *

Мальчик стоял у подъезда, у железной двери с кодовым замком. Код не срабатывал, ключа не было. Прижимал к груди игрушечный джип. Ждал, пока кто-нибудь войдет или выйдет.

А еще – знал, понимал, ощущал все, что происходило сейчас на пустыре-болоте. И это ему не нравилось. Он стоял, почти уткнувшись лицом в железо двери.

А когда обернулся – перед ним была девушка.

– Хайле², Царь! – к мальчику никто и никогда так не обращался.

Но он понял.

– Я не царь, я Андрюша.

Он крепче прижал к груди джип.

– Ты прошел Испытание! Я, Адель, посланная Побеждать, нарекаю тебя Царем! И будет Царствие твое над Живыми!!

Голос гремел, синие глаза сверкали.

Потом она развернулась и пошла.

Каблучки цокали по асфальту – и слышался в том звуке далекий стук копыт, и звон оружия, и зов трубы.

Труба пела тревожно.

* * *

– Совсем кришнаиты поганые умом подвинулись, креста на них нет, еще к ребенку привязалась, стерва бесстыжая, как толь... – бабка, бывшая единственной свидетельницей Наречения, бормотала монотонно, даже ругательства вылетали без следа эмоций.

Старые люди бывают разными. У одних – не врут поэты – действительно до самой смерти бьются сердца Любящих. Или сердца Воинов. У других не бьется ничего – так, сокращается что-то по инерции. Они мертвы, и не обманывайтесь внешними признаками. Двигаются не одни живые. Дергаются даже отрубленные лягушачьи лапки под током.

Старуха была мертва. Продолжая скрипеть на той же ноте, она пошаркала куда-то по своим делам – делам трупа.

Дверь подъезда скрежетнула – выходили люди. Мальчик пронырнул между ними. Андрюшка, нареченный Царь Живых, мчался вверх по лестнице, прижимая к груди трофейный джип.

Впереди его ждало многое.

² Для читателей, не слишком внимательно изучающих примечания, а также для политически-озабоченных граждан, вынюхивающих всюду красно-коричневый всемирный заговор, стоит повторить: не надо ассоциировать приветствие “Хайле!” с поганым нацистским “Хайль!”

* * *

Прохожие удивились.

Несущийся куда-то со спринтерской скоростью молодой человек остановился мгновенно, опровергнув все рассуждения физиков о времени торможения.

И застыл.

Окажись рядом скульптор – точно бы схватил карандаш и набросал эскиз к будущей статуе. К аллегорической фигуре “Недоумение”. Скульптора не было. Не было также (уже у молодого человека) – головного убора, носков и ремня на спадающих брюках. Судя по состоянию шевелюры, расческа у недоуменного юноши тоже отсутствовала...

Слава Полухин не понимал ничего.

Нет, слабо сказано, затертый штамп.

Разве так: НЕ ПОНИМАЛ НИЧЕГО.

Зачем, едва проснувшись, он выскочил из дома?

Куда неся?

И почему остановился?

Дежа вю какое-то...

Секунду назад ему казалось, что понятно все: и причина, и цель этой гонки... Раз – и все исчезло. Он прекрасно помнил, что делал, проснувшись, помнил до мельчайших подробностей... Не знал только: зачем?

Он стоял долго. В реальность Славу вернул насмешливый мужской голос, посоветовавший застегнуть ширинку.

Он медленно пошел по тротуару... Вердикт десятиминутных раздумий гласил: приснилось что-то...

Вообще-то Слава был весьма внушаем, и даже сам себе мог внушить что угодно... Но все равно его эта хилая версия не устроила. Приснилось? Ну да, погано спал сегодня, ну да, кошмары мучили... Бывало с ним такое после рейдов, хоть и не признавался никому в “Хантере”... Бывало – но по улицам с расстегнутыми штанами он не бегал...

Решать проблемы в одиночку Полухин был не способен категорически.

Надо пойти и посоветоваться.

Советовался он всегда с одним человеком...

Глава 9.

Образование Вани к точным наукам отношения не имело. К гуманитарным, впрочем, тоже.

Экономика и право.

Экономика и право – науки объемные, включающие массу дисциплин. Но экстрасенсорику в их число при верстке учебных планов как-то не включили. Забыли, видимо...

Хотя Ваня подозревал, что ни гуманитарные, ни технические корочки ему тоже бы не помогли. Возможно, чему-то в этом роде учат в какой-нибудь Академии Космического Разума, но и их бутафорский диплом в дальнем ящике Ваниного стола не валялся...

Осталось полагаться на здравый смысл и логику. Ни то, ни другое у него не хромало...

Итак: что мы имеем?

Некую особенность организма, ранее неизвестную. Шестое чувство.

Что хотим узнать?

Что, что... Известно что: откуда оно взялось? и что с ним теперь делать?

Физиологические аспекты явления – в сторону. После как-нибудь. Вскрытие покажет.

Дано – доказать. Простенькая такая теоремка из учебника шестого класса.

Когда появилось это, Ваня знал. Ночью, на выходе из подвала... Прохор... Прохор соврал ему – и он почувствовал... Стоп. Может, все началось раньше? А ему просто не лгали? Почему бы и нет, доверять надо людям... Надо найти заведомую ложь...

Он прокручивал ночь и вечер назад, как киноплёнку – дальше, дальше, стоп... Вот оно! Полухин. Они стоят у ворот, готовят оружие... Славка говорит: крыс немеряно... А все не так... Но Ваня ничего не чувствует.

Хм... Но Полухин-то был уверен! Не стал бы так подставляться с пустым объектом, Прохор ему еще припомнит. Прохор злопамятный.

Тогда возникает маленький вопрос, даже два: лжет ли человек, если уверен, что говорит правду? и определяет ли это дар?

Ваня слегка запутался...

Мала статистика, нужен эксперимент.

М-да... а как его поставить? Обратиться к соседям с невинной такой просьбочкой: “Вы соворите мне что-нибудь, но при этом будьте уверены, что все сказанное – правда!” Надо думать, результатом смелого опыта станет устойчивая репутация ширяющегося наркомана... Нет, к соседям нельзя... Позвонить кому? И что сказать?

Под конец у него мелькнула даже дикая мысль надиктовать ложь на магнитофон и протестировать себя самого... Препона была та же – несовместимость случайной и заведомой лжи.

Ваня оделся и вышел.

Есть идея...

* * *

– Страж стоит на Пути, Спящий проснулся. Царь наречен. Что за сомнение гложет тебя, брат?

Когда кто-то тщится делать не данное ему – это смешно. Чаще всего. Но иногда это страшно.

Даниэль сомневался.

Страшен вид несущего Меру, когда он в сомнениях. И лучше не быть тогда на пути его. Адель – была, ибо путь их общий.

– Царь. Царь Живых. И то, что его надо убить...
– Я понимаю тебя, брат... И скорблю с тобой... Но если он взрастет и познает силу свою. Он и сейчас силен. Убивающий был бы повержен им. Даже если бы Спящий не проснулся...
– Страшна наша Битва, сестра... И страшен будет Час ее.

* * *

– Извините. Подскажите, пожалуйста, который час?
Прохожий бросил беглый взгляд на циферблат.
– Половина первого.
– Большое спасибо.
Соврал, определенно соврал.
Прохожий отошел, Ваня достал часы из кармана. Тридцать пять минут. Понятно, отстают часы у мужика, или округлил...
Все ясно. Эксперимент можно завершать. Десять опытов. Четыре правдивых ответа. Ну, с этими понятно, хорошие часы, идут с точностью до минуты... А вот пятеро лгали, и Ваня это почувствовал... И не важно, спешили или отставали их ходики. Важно иное – ну никакого нет резона преднамеренно врать случайному прохожему о времени... Один, правда, нагло соврал – нет часов, дескать. Спешил, рукав засучить ленился? Какая разница...

Ваня вернулся домой.

Все ясно.

То есть, конечно, ничего не ясно.

Ясно лишь, где он подцепил этот вирус.

В подвале. В очень странном подвале. В подвале, где не было дичи. И где лежала на сырой земле крепко спящая красавица.

Есть версия. Гениальная. Блестящая и неподражаемая. Можно писать фантастический роман в трех частях с прологом и эпилогом. Ау, где тут ближайшее издательство?

Значит, так. Пару миллионов лет назад грохнулся корабль пришельцев. На территории будущей птицефабрики. Но не простых, не всем знакомых зеленых человечков. Эти особенные. Говорят одну правду – по той причине, что все поголовно чуют ложь. Такая уж у них на планете микрофлора – все заражены вирусом правдоискательства. Короче, грохнулись. Занавес. Акт второй. Наши дни. Место то же. Корабль наконец проржавел и инопланетная зараза просочилась наверх. И ножки Буша тут ни причем – фабрика накрылась по другим причинам. Народ с нее побежал. Трудно работать стало. Вахтер каждого спрашивает: а не выносишь ли ты, милый друг, чего с родного предприятия? И хрен донесешь родным чадам свежей курятины. Акт третий. Два отчаянных диггера, В. Полухин и...

Стоп. А как же Славка? В нем тоже должно бы прорезаться... Надо...

Как тут же выяснилось, у Полухина могли прорезаться и иные способности. Например, телепатические.

Потому что в этот момент он позвонил в дверь.

* * *

Папа поднялся.

Папа вытер губы.

Папа посмотрел вокруг. Далеко посмотрел – не глазами.

При всем несходстве сущностей, чувствовал он себя как человек.

Как человек, давший зарок не пить и долго державшийся. А сейчас выпивший первую рюмку. То же самое ощущение легкости, и облегчения от опостылевших пут, и легкое смущение, и некий самообман: ну, одна, ну и что, только сегодня – завтра снова завяжу; и глубокое, запикиваемое еще глубже знание: что ничего он не завяжет, что впереди пропасть; но! – шальной кураж от предвкушения сладости, пьяняще-пугающей сладости свободного падения; и – подсознательное желание скорее сделать шаг к краю, к краю пропасти...

Именно так все с папой и происходило...

К тому же то, что лежит сейчас у его ног – не человек. И никогда не было человеком. Люди чуть по-другому устроены.

А ведь вокруг есть другие не-люди. И много...

– Коряга? – неожиданно говорит вслух папа, вспомнив что-то, выуженное из памяти мертвеца. Тогда еще живого мертвеца...

– Коряга... Мерзкое имя...

С этим мерзким именем на устах папа улыбается.

Улыбка страшная.

Он не должен убивать.

У него есть дом. У него есть жена. У него – и это главное – есть сын. Он не должен убивать людей. И он не будет. Людей – не будет.

Да! Все так и было. Все так и есть.

Бродят, бродят по земле не-люди...

И люди...

Вопрос в другом: в грани. В грани меж ними. Спорный вопрос.

Но одно бесспорно: пьяница всегда найдет причину и повод выпить.

А убийца – убить.

* * *

Потом папа вспомнил, как его звали.

Звали очень давно, и нареченное имя это было важнее и данного при рождении, и записанного в паспорте...

Папу звали – Царь Мертвых...

* * *

– Да-а-а... Хреновый у тебя видок... Надо срочно выправлять положение... Будь другом, достань из холодильника пару пива... Я сейчас закончу...

Ваня делает вид, что увлеченно стучит по клавиатуре компьютера (на деле не загруженного). Сам наблюдает за уныло потянувшимся на кухню Полухиным. Славка исчезает из прямой видимости, но в прихожей – большое зеркало...

Та-а-к...

А ведь не для вида туда пошел... Изучает нутро холодильника заторможенно, но старательно... Пиво ищет. Которого там нет.

Накрылся сюжет для фантастического романа.

Так что все твое, целиком и полностью... Сам владей и сам все расхлебывай.

Дальнейший разговор не получается. Ваня не может сейчас тащить на себе еще и комплексы, проблемы и заскоки дружка... Скоренько успокаивает шаблонными фразами о нервах, о сорвавшемся очке...

И выпроваживает.

У него еще есть дела... У него сегодня свидание.

Любовное.
Как-бы...

* * *

Холеные пальцы брезгливо отталкивают рентгеновский снимок. Он скользит по полировке стола.

– Я не знаю и не хочу знать, как вы это сделали. Механика дешевых фокусов меня не интересует. Хотя могу догадываться – слепили из дентина фальшивый премоляр³ с лишним корневым каналом, заполненным чем-то рентгеноконтрастным... Неважно. Мне любопытна цель этой... Даже не знаю, как назвать...

– Но, Валентин Степанович...

– Не надо, Наташа! Слушать все эти бредни по второму разу не слишком увлекательно. Мне кажется, что вы не совсем верно оценили ситуацию. Да, я интересуюсь паранормальными явлениями. Да, нам сокращают штаты и из трех интернов в поликлинике должен остаться один... Но если вы пытаетесь решить свои проблемы таким способом – вы сошли с ума...

Наташа Булатова и сама так думала...

³ Премоляр на языке стоматологов – четвертый зуб человеческой челюсти, следующий за клыком. Пятый, кстати, тоже премоляр – но к делу это не относится.

Глава 10.

– Ты опять пил... – голос негромкий, бесцветный. В нем почти нет эмоций, кроме одной – страха. Но страх – такой, что криком его не выразить. Страх, от которого немеют.

А еще – обреченность.

Он разворачивается и уходит.

* * *

Одни говорят, что во многих мудрости есть много печали.

Другие попроще: меньше знаешь – крепче спишь.

И то, и другое верно, и Ваня убедился в том сполна.

На любовном свидании.

На любовном.

Как-бы...

* * *

Тамару он не любил.

Хотя надеялся – может и перерастет эта постельная дружба в нечто большее. Да и пора, двадцать восемь лет, время задуматься о семье и детях. Недаром старики говорили: стерпится-слубится. А тут и терпеть не надо, нормальная девчонка, они отлично проводят время...

(Будем реалистами. Юношей бледным со взором горящим Ваня не был. Не пришла пока Любовь – увы! – но не загибаться же по этому поводу от спермотоксикоза...)

Был и еще один нюанс.

Производственный.

Вице-директору филиала крупной компании не положено в двадцать восемь лет ходить холостым. Особенно если корни компании – на пропитанном традициями и туманами Альбионе. Незачем подавать поводы к подозрениям в беспорядочных связях, или, того хуже, в не туда, куда надо, направленной ориентации.

Допустимый минимум – невеста. Обрученная невеста. Таковой Тамара и числилась – палец на Ваниной левой руке уже четыре месяца давило кольцо. И Тамара ненавязчиво и расчетливо вела дело к тому, чтобы со временем переместить его на правую...

Все шло как обычно – они обычно встретились, и обычно сидели в кафе, и обычно говорили о разном, и назревал обычный культпоход в театр, и еще дальше на горизонте маячили обычные маленькие радости добрачного секса, и...

В театр они не пошли.

Все закончилось в кафе.

Совсем закончилось.

Потому что необычным было одно – он ощущал ложь. Ее ложь. Всю.

Поначалу – на первой и невинной – это даже порадовало. Пряча улыбку, он представлял семейную жизнь с волей-неволей верной женой... Потом он немного встревожился. Потом стал загибать под столом пальцы. Потом – помрачнев, мертвым голосом – стал задавать вопросы... Она что-то почувствовала, пыталась успокоить, говорила много и ласково – а детектор в голове щелкал: ложь, ложь, ложь...

Это была попытка. Для него.

И растягивать ее не стоило.
Он снял кольцо. Положил на блюдечко. И соврал первый раз за вечер:
– Ты знаешь, я встретил другую. И полюбил.
Он думал, что то была ложь во благо – и ей, и себе.
Нет.
То было предвидение...

* * *

Вечерело.

Слава тупо и бесцельно шел по улице. Он не хотел никуда идти – переставлял ноги, постаравшись полностью отключить от этого процесса сознание. У Полухина была дикая надежда – если шагать именно так, можно неосознанно дойти.

Прийти туда, откуда его позвали. Куда он стремительно бежал и не успел. Туда, где он нужен. Славе хотелось быть кому-то нужным. Он дойдет, и узнает все, и все сразу станет понятным, и исчезнут страхи и сомнения, и исчезнут ночные кошмары, и придет что-то новое, он пока не знает что, и появится...

Он ходил так много часов.

Ноги уже не гудели. И не болели. Их не было. Под брюками мерно двигались чужие механические конструкции, не имевшие к Славе отношения. Все впустую. Он ничего не найдет...

Он тяжело рухнул на скамейку. Там сидела девушка. Симпатичная шатенка с короткой стрижкой, но Слава подсел к ней не поэтому. Просто механические отростки, сменившие ноги, неожиданно выработали свой моторесурс. Раз – и встали.

На девушку Полухин не смотрел. Он и раньше никогда не знакомился с девушками на скамейках. Он был застенчив, Слава Полухин, хотевший стать мужчиной – убив. И не сумевший.

Бедный глупый Слава...

У девушки был убитый вид – как и у него. Она скользнула по нему равнодушным взглядом.

Через секунду она смотрела на Славу так, как никто из женщин (да и мужчин) на него никогда не смотрел.

С ужасом.

Смотрела туда, где Ваня наложил ночью повязку – теперь грязную, сползшую. Не отрываясь, смотрела в одну точку. Точнее – на две точки...

Потом девушка закричала.

* * *

Чаще бывает так: появляется вещь, которой не было раньше – и ей придумывают имя – чтобы не ломать язык долгими объяснениями: мол, это почти как вон то, но с перламутровыми пуговицами...

С клубом “Хантер-хауз⁴” получилось наоборот. Сначала в голову Прохору пришло название – красивое и заграничное, но ничего не значащее. Охотничий домик у клуба появился позже... Появился на самых задах спортивного комплекса завода “Луч”...

⁴ На языке потенциального противника “Хантер-хауз” означает “Охотничий домик” – по крайней мере, придумавший название Прохор всегда считал именно так.

Спортивный этот комплекс (или просто – стадион) занимал несколько гектаров в пригороде и не имел ныне к почившему заводу никакого отношения. Хотя все говорили по-прежнему: стадион завода “Луч”. Иногда имена живут дольше нареченных ими вещей – бывает и так.

Здесь не сходились больше под пьяноватые вопли болельщиков в жарких поединках футбольные команды цехов. Не пыхтели значкисты ГТО, готовясь к труду и обороне. Не совершал утренние пробежки вице-чемпион области по боксу Вася Дроздов, слесарь пятого цеха (родной цех, понятное дело, лицезрел чемпиона лишь в дни зарплаты). Теперь здесь было другое.

Серьезные люди расслаблялись после серьезных дел. Говоря по науке – релаксировались. Гольф, теннис, верховая езда, бассейн с сауной... А еще здесь был – вдалеке, не приметно, с краю – “Хантер-хауз”. Охотничий домик.

Изнутри – стены из неошкуренных бревен. Декорация – под ними кирпич. Здесь много декораций. Трофеи на стенах, например. Чучела зверей и птиц. Как-то сибиряк Максим вытащил в лес, на охоту – им не понравилось: комары, под ногами хлюпает, дичь прячется... А главное – нет азарта настоящей охоты. Трофеи – декорация, настоящие укрыты надежно...

Вокруг огромного стола восемь стульев – по высоким резным спинкам невинно скачут деревянные косули-зайчики. У каждого здесь свое место, все по табели о рангах... Два стула пусты – Вани и Полухина.

Сигаретный дым уже не клубится – ровное синее море. Лица в нем странного цвета.

Плохо об отсутствующих говорить не принято. Но в уставе “Хантера” такого пункта нет. О них говорят.

И говорят плохо.

* * *

Вечер.

Двое на пустынной улице.

Женщина и ребенок.

Тяжелая сумка тянет руку, у мальчика – крохотный рюкзачок за плечами – тоже набит. Из-под клапана рюкзачка высовывается игрушка – радиоуправляемый джип американской полиции.

Это бегство.

Она ушла, нет – она сбежала, собрав за десять минут что можно, потому что ушедший мог в любой момент вернуться, потому что все клятвы нарушены и все печати сняты, она бежала и не знала – куда, были бы деньги, она бы пошла в первое турагентство, лето, полно горящих путевок, и – неважно куда, далеко, очень далеко – Канары, Тунис, Египет, неважно, как можно дальше, но денег нет, и она не знает, куда бежать, и она уходит – не куда, а откуда, и дорога ее страшна, и впереди...

Это бегство.

Женщину зовут Марья.

* * *

Пришла ночь.

Глава 11.

За окном серый свет.

Или серая тьма.

Серая ночь, которую поэты зовут белой...

Свет на кухне погашен. За столом двое. Родители поудивлялись странному гостю дочери и легли спать – взрослый человек, двадцать третий год идет, своя личная жизнь, да и пора бы, все ждала принца на белом коне, школьные подруги – вон, уже разводятся...

Слава говорит.

О подвале. О девушке с черными волосами. Свет погашен, лиц не видно – и он этому рад. Наташе хочется спросить о многом. Но она молчит – сейчас не время вопросов.

Слава говорит, он уже не может остановиться – как не мог остановить свой утренний бег. Не только про подвал – он говорит все. Скрепленная его кровью бумага превращается в труху и разносится ветром. Слава Полухин исповедуется – первый раз в жизни. Его рассказ странен и страшен.

Но Наташа верит всему.

Сойдя с ума, легко верить всему.

За окном серая тьма.

Или серый свет.

* * *

Ночь – лучшее время для мыслей.

Ваня Сорин давно прочитал в каком-то околонульном журнальчике, что пределы здорового сна лежат между четырьмя и восемью часами – больше вредно, меньше тоже. И с тех пор он не спал больше четырех часов в сутки. Перспектива подрыхнуть ровно третью часть жизни не вдохновляла. Одна шестая – еще туда-сюда... Даже сны ему никогда не снились – абсолютно потерянное время...

У него было о чем подумать.

С неожиданным своим даром Ваня разобрался быстро.

Рассудил так: если у тебя есть дар, или талант, или хотя бы валютный счет в коммерческом банке, надо учиться им управлять. Иначе дар или талант либо захиреет и исчезнет, либо превратится в нечто страшненькое... А счет канет вместе с разорившимися банкирами...

Правда, как управлять, та еще проблема. Ясно одно – рассказать об этом нельзя. Никому. Может, конечно, и не налетят вороньем доценты-кандидаты в целях изучения и препарирования, но... Из окружающих слова придется вытягивать клещами, это точно... Сдержанны и молчаливы они станут, окружающие... Ну а семейная жизнь... Да-а... С Тamarой хватило получаса... Разве что поискать глухонемую посимпатичнее... Живут и с такими, записками будем общаться... Кстати...

Он встал.

Немного поразмыслил у книжной полки.

Вытащил статистический справочник и книжицу в мягкой обложке. Открыл, вчитался. На печатное слово дар не реагировал. Только на изреченное...

Хватит экспериментов.

А управлять надо просто: научиться отключать.

Вот и все.

Четко и ясно.

Со второй проблемой, с “Хантером”, решить сразу четко и ясно не получилось. Пропал в эту ночь Ваня гораздо меньше четырех часов. Зато уснул сразу, бессонница не мучила. Кошмары тоже.

* * *

– Мы в чем-то ошиблись, сестра. Проснувшийся гораздо сильнее, чем мы думали. Как смог он сберечь силы? Такого не было никогда...

– Вокруг много его подданных, брат. Гораздо больше, чем раньше. Они питают его... Ты знаешь, где он?

– Нет. Его разум закрыт. Я только чувствую, как он убивает...

– Пусть. Страж повергнет его, когда придет время...

– На смену придет другой Царь Мертвых...

– Пусть. Кто-то повергнет и его. Но это будет не наша Битва. Где Царь Живых?

– Она сбежала и забрала его с собой.

– Пусть. У Царя Живых много путей, но все приведут к Вратам.

– И все-таки, Адель, – мне его жалко.

* * *

Стук колес.

Царь Живых, сын Царя Мертвых, спит. Вихрастая голова на коленях матери. Руки обнимают игрушку – джип американской полиции. Других второпях не взяли.

Звучит голос. Далекий, мертвый, скрежещущий голос:

– Волховстрой. Конечная. Просьба освободить вагоны.

* * *

Он плевал на здоровый образ жизни вообще и на свое сердце в частности. С такой работой до почтенных седин все равно не дожить...

Майор Мельничук допил шестую за ночь чашку кофе и закурил очередную бесчисленную сигарету. Спать он не мог.

...Все было как в первых пяти случаях: обескровленный труп с двумя характерными отметинами на горле.

И все было не так, совсем не так...

Те пятеро умирали достаточно долго, медленно исходя кровью... Отчего и родилась версия о двузубой вилке и решивших поиграть в трансильванского графа отморозках. Один такой случай в практике майора уже был: пятнадцатилетняя девчонка начиталась-насмотрелась – и съехала. Решила послужить Князю Тьмы. Ну, тот ее и надоумил – пригласила одноклассницу – прыг и впилась зубами в горло. Едва спасли... Лечат теперь служительницу... А ее подружке всю жизнь в шарфике ходить или с воротником высоким...

Князь там или не Князь, но с родителями малолетней вампирши майору хотелось разобрататься. Не на Луне ведь жили, не на полюсе, рядом – комната у девки вся летучими мышами да вампирскими рожами обвешана, распятие перевернутое, книжонок поганых кучи, кассет целая полка...

А как разберешься, ничего и слышать не хотят, стоят на своем, как гвардейцы-панфиловцы: книжонки законно изданы, кассеты не пиратские, а у дочурки психическое расстрой-

ство с длинным названием – через годик вылечат... Ну-ну... Вылечат и выпустят... Засов-то на спальне своей поставите?

Нет, что-то было в Святой Инквизиции рациональное, как ее не пинают... Надо, надо жечь иных авторов на куче их творений...

Ну ладно, та горе-вампириша – дилетантка и самоучка.

Но в этом июне на майорской территории начал резвиться кто-то куда как серьезный. Не зубами грызли – клыки у человека и короче, и поуже расставлены... Это же инструмент и выдумать надо, и изготовить... И работать им – не в одиночку. Майор готов был прозакладывать все шансы стать подполковником – работала группа. И хотя бы у одного в той группе есть неплохие способности планировать акции...

Потому что иначе так не бывает: пять случаев один за другим – и никто ничего. Никто ничего не видел и не слышал. Как ни прячься, как ни выбирай места укромные, следок какой-никакой оставишь... Кто-то человечка подозрительного видел, кто-то из кустов звуки какие слышал... Не бывает серийников-невидимок.

Майор прекрасно знал, что потенциальные свидетели порой шляются по таким местам, что диву только даешься: да как же тебя туда занесло, голуба? Но его люди перерыли весь район. Никого. Нет свидетелей...

Группа. С четким разделением обязанностей: кто-то работает, кто-то прикрывает, кто-то отход обеспечивает... И никаких бессистемных шатаний в поисках жертв – тогда уж точно бы засветились...

“Хантер” на роль такой группы подходил идеально. И был у них толковый парень, способный просчитать все...

От немедленных действий против подотдела очистки майора удерживали два соображения.

Во-первых, интересный подбор жертв. Пятеро мужчин. От девятнадцати до тридцати шести. Не наводит на размышления? Майора навело.

Девушка. Приманка. Прием, старый как мир.

Но: никто и никогда не видел в их примелькавшейся компании девиц. Ни разу.

Тоже, конечно, не довод. Но майор знал хорошо: с кем гуляют-тусуются, с тем и на дело пойдут... Или наоборот – после дела той же кампашкой гулеванят. А банда, съезжающаяся с разных концов страны банк, к примеру, взять, – это даже не детектив, это фантастика...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.